

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы всероссийской научно-практической конференции
12 декабря 2017 г.

Омск
ОМА МВД России
2018

УДК 342
ББК 67.620я54
Р72

Редакционная коллегия:

М. А. Бучакова — доктор юридических наук, доцент (председатель);
С. М. Гасанова (отв. секретарь); А. В. Жилиев — кандидат юридических наук;
Е. В. Кошелев — кандидат юридических наук; С. В. Шевченко —
кандидат исторических наук, доцент (зам. председателя)

Р72 Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 12 декабря 2017 г.) / отв. за вып. д-р юрид. наук, доцент М. А. Бучакова. — Омск : Омская академия МВД России, 2018. 112 с.

ISBN 978-5-88651-680-7

В материалах сборника освещаются теоретические и правоприменительные вопросы в сфере конституционного права, отдельные аспекты деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, проблемы реализации конституционных норм в отраслевом законодательстве.

Рассматриваемые проблемы представляют интерес для профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, адъюнктов и аспирантов образовательных организаций МВД России и сотрудников иных правоохранительных органов.

УДК 342
ББК 67.620я54

ISBN 978-5-88651-680-7

© Омская академия МВД России, 2018

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИИ. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ В ОТРАСЛЕВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В. В. Бабурин, О. В. Запевалова

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ НАУКА: ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

Известно, что уголовное право принято понимать фактически в четырех его значениях: 1) как самостоятельную отрасль права; 2) как часть российского законодательства; 3) как науку; 4) как учебную дисциплину. Исторически сложилось так, что система каждого из указанных понятий сформировалась по-разному и в настоящее время их структурные элементы во многом не совпадают. В целом это является наглядным примером проблем систематизации российского уголовного права. В структуре российского уголовного права принято выделять следующие элементы: части уголовного права, уголовно-правовые институты и уголовно-правовые нормы. При этом первичным элементом системы уголовного права являются уголовно-правовые нормы.

В целом под уголовно-правовыми нормами принято понимать установленные и охраняемые государством специфические правила поведения, регламентирующие поведение участников уголовно-правовых отношений. Как и любые другие нормы, они обладают свойствами общеобязательности, формальной определенности, неперсонифицированности, рассчитаны на неопределенный круг лиц и на неопределенное число случаев криминального характера.

Структурными элементами системы уголовного права более высокого порядка являются уголовно-правовые институты. Остается открытым вопрос о точном числе и содержании самостоятельных уголовно-правовых институтов. Часто одни и те же группы уголовно-правовых норм одни авторы называют уголовно-правовыми институтами, дру-

гие — нет. Например, нередко отмечается применительно к ст. 37 УК РФ, что это институт необходимой обороны в уголовном праве. Но тогда встает вопрос о том, что представляет собой система, включающая в себя необходимую оборону и другие обстоятельства, исключающие преступность деяния. Ответы на данные вопросы позволяют определить не только их современное содержание, но и перспективы дальнейшего развития институтов российского уголовного права.

Следует помнить, что разделы уголовного закона, как и все его содержание, построены по своим принципам, ориентированным на экономию текста уголовного закона, преодоление трудностей его практического применения и т. д. Исходя из этого в разделах уголовного закона нашли отражение только главные нормы и институты, без которых невозможно соблюдение уголовного закона. Поэтому развитая система уголовно-правовых институтов изначально не способна вместиться в содержание глав и разделов Уголовного кодекса. Таким образом, существующая структура действующего уголовного законодательства не дает четкого представления об институтах уголовного права. Более того, если уголовное право как отрасль права, содержащая совокупность общеобязательных правил поведения, в целом будет ориентироваться только на содержание текста уголовного законодательства, развитие системы уголовно-правовых институтов неизбежно будет тормозиться.

По этой же причине нельзя абсолютно точно провести параллели между элементами уголовного законодательства и элементами отрасли права. Даже если мы проведем параллель между статьями закона и уголовно-правовыми нормами, а также между главами и уголовно-правовыми институтами, остается открытым вопрос о наличии параллелей для разделов в уголовном законе. Возможно, по этой причине в уголовном праве не принято выделять объединенные уголовно-правовые институты, которые соответствовали бы разделам уголовного закона, так же, как не принято выделять и подотрасли в уголовном праве.

В науке уголовного права, в отличие от отрасли права, наоборот, больше внимания уделяется объединениям уголовно-правовых институтов. Так, в теории уголовного права принято выделять такие структурные элементы, как учения: учение о преступлении, учение о мерах уголовно-правового характера и т. д. [1, с. 66]. Если провести сравнение содержания и объема учений в теории уголовного права с содержанием таких элементов системы уголовного законодательства, как разделы уголовного закона, можно обнаружить их явное сходство. Объемы учений в теории уголовного права и объемы разделов уголовного закона практически совпадают. Это совпадение приводит к мысли о том, что в системе уголовного пра-

ва, как отрасли права, не хватает такой структурной единицы, как сложный уголовно-правовой институт. Более того, очевидно, что эти сложные институты сами образуют самостоятельные блоки, со своей спецификой предмета и метода уголовно-правового регулирования, претендующие на характеристику их как подотраслей российского уголовного права.

Традиционно главными структурными элементами уголовного права являются уголовно-правовые институты, и в уголовном праве подотрасли права в целом выделять не принято. Насколько справедливо данное положение, необходимо тщательно выяснять. Действительно, в соответствии с теорией государства и права институт права — это основной элемент системы права, представленный совокупностью правовых норм, регулирующих однородную группу общественных отношений. При этом он представляет собой обособленный блок отрасли права, которому свойственны: а) однородность фактического содержания; юридическое единство правовых норм; б) нормативная обособленность (в главах, разделах, частях или иных структурных элементах закона); в) полнота регулируемых отношений (включает в себя набор норм, дефинитивных, управомочивающих, запрещающих и др., призванный обеспечить беспробельность регулируемых отношений) [2]. В целом объективных препятствий для выделения в уголовном праве подотраслей права в теории права не находится. Вряд ли можно сказать, что уголовное право — это отрасль не крупная или не сложная. Тем более что существующая система уголовно-правовых институтов далека от совершенства.

Во-первых, следует признать тот факт, что и число и содержание уголовно-правовых институтов, а также их соотношение друг с другом точно не установлено. Одни и те же группы уголовно-правовых норм одними авторами признаются уголовно-правовыми институтами, другими — нет.

Во-вторых, в структуре существующих уголовно-правовых институтов трудно разместить определенное число уголовно-правовых по своей сущности норм. Причина в том, что в целом их содержание не совпадает с содержанием уже устоявшихся институтов уголовного права.

Ответы на данные вопросы позволяют определить не только их современное содержание, но и перспективы дальнейшего развития институтов российского уголовного права.

Список литературы

1. *Уголовное право* Российской Федерации. Общая часть : учебник / под ред. А. И. Марцева. Омск, 1998.
2. *Общая теория права и государства* : учебник / под ред. В. В. Лазарева. М., 2001.

А. Е. Баньковский

ПРИНЦИП ЕДИНСТВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ

Единство системы государственной власти в качестве одного из основополагающих принципов российского федерализма закреплено ч. 3 ст. 5 Конституции России. В силу того, что по Конституции 1993 г. Россия является федерацией, система государственной власти включает в себя подсистемы двух уровней органов — федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ. В 90-е гг. XX в. в России проблема обеспечения единства государственной власти (особенно «по вертикали») стояла особо остро. В связи с этим в научной литературе существуют различные точки зрения на проблему обеспечения единства государственной власти. Так, М. В. Баглай полагает, что «федеральный законодатель дает субъектам Российской Федерации ясно понять, что схема основных органов и их взаимоотношений должна соответствовать федеральной, то есть включать органы, аналогичные Президенту, Федеральному Собранию и Правительству на федеральном уровне» [1]. В противовес этому Н. В. Витрук отмечает, что федеративная форма государственного устройства допускает создание в субъектах совершенно разных моделей организации государственной власти. Соблюдение конституционного строя и общих принципов, установленных федеральным законом, не означает шаблонизацию, копирование федеральной схемы взаимоотношений законодательной и исполнительной властей, установление единообразия для всех субъектов РФ, отличающихся друг от друга. Однако, несмотря на теоретические споры, к концу 90-х гг. реального единства государственной власти на всей территории РФ не существовало; проблематичная ситуация была в Татарстане, Башкирии, а на территории Северного Кавказа велись полномасштабные боевые действия. В этих условиях исследователи все больше и больше обращали внимание на Президента РФ как на лицо, стоящее над тремя ветвями государственной власти (законодательной, исполнительной и судебной).

Критическое положение дел к концу 90-х гг. в области реального обеспечения конституционного принципа единства государственной власти подтолкнуло ряд ученых-юристов к разработке не только доктрины, но и проекта Федерального закона «О единстве государственной власти в Российской Федерации». Одним из самых активных сторонников такого закона был И. Н. Барциц. В 2001 г. он представил концепцию Федерально-

го закона «О единстве государственной власти в Российской Федерации». В ней были указаны конкретные действия, необходимые для «восстановления властной вертикали» с целью обеспечения единства государственной власти. Как показывает практика государственно-правового развития России, отмечает И. Н. Барциц, договорные, согласительные, координационные и иные механизмы, направленные на достижение взаимопонимания между Федерацией и ее субъектами, далеко не всегда достигают поставленных целей. В условиях игнорирования властями ряда субъектов Федерации требований и законных интересов Федерации последняя вынуждена прибегать к принудительным мерам обеспечения государственного и правового единства страны. Подобное обращение к мерам федерального принуждения вполне допустимо и является нормальным правовым инструментом в том случае, если меры подобного принуждения предварительно прописаны в законодательстве и все субъекты федеративных правоотношений осведомлены о возможных инструментах правового воздействия [2].

Анализ развития учения о конституционном принципе единства государственной власти в конституционной доктрине постсоветской России позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, в современной отечественной конституционно-правовой доктрине идея единства государственной власти выводится из универсальной идеи суверенитета народа, который выступает единственным источником государственной власти.

Во-вторых, в Российской Федерации согласно ее Конституции гармонично сочетается наличие высшей федеральной должности, главы государства (президента), обладающего определенными полномочиями в отношении всех трех основных ветвей власти (законодательной, исполнительной и судебной), и принципа разделения властей в качестве первоочередных способов обеспечения единства государственной власти.

В-третьих, предпринятые в последние годы государственно-правовые меры по усилению централизации государственной власти предотвратили процесс «размывания» единой государственной власти в России, обеспечили верховенство и высшую юридическую силу федеральной конституции и на их основе единство государственной власти в Федерации в целом и в отдельных субъектах.

В-четвертых, основываясь на разработанных в современной правовой науке теоретических конструкциях и формирующейся конституционно-правовой практике, можно дать определение конституционного принципа единства государственной власти. Конституционный принцип единства государственной власти Российской Федерации — одно из руководящих начал конституционного права. Он интегрирует в себе содержа-

ние конституционно-правового регулирования общественных отношений в области организации и взаимодействия органов законодательной, исполнительной и судебной власти Российской Федерации и ее субъектов в соответствии с базовыми конституционными принципами верховенства и высшей юридической силы Конституции России, единого народного суверенитета и единого, неделимого государственного суверенитета России и направлен на обеспечение единства государственного управления, целостности Федерации и защиту прав населения.

Список литературы

1. *Баглай М. В.* Конституционное право Российской Федерации. М., 2011.
2. *Барциц И. Н.* О единстве государственной власти в Российской Федерации // Законодательство. 2001. № 9.

О. И. Бекетов, В. И. Майоров

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ НА ТРАНСПОРТЕ И В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ КАК ОСНОВАНИЯ УСТАНОВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ЗА ЛИЦАМИ, ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В связи с устойчивой тенденцией роста рецидивной преступности возникла потребность воссоздать институт административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, поскольку, как свидетельствовал многолетний опыт предшествующего правоприменения, именно с помощью административного надзора в наиболее полной мере обеспечивается защита государственных и общественных интересов от преступных и иных противоправных действий лиц, контролируемых полицией. В рамках мероприятий, связанных с реформированием МВД России, сразу же вслед за Федеральным законом «О полиции» был принят Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», определивший соответствующий инструментарий в этой сфере. Рассмотрим некоторые особенности порядка осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, на примере Омской области. Посредством современных технических средств информация (с приложением фото) о лице, в отношении которого установлен административный надзор, из учреждения исполнения на-

казания в автоматическом режиме направляется в УМВД России по Омской области. При постановке на учет она используется для наполнения АПК «СОВА». Всего с начала передачи данных в АПК «СОВА» направлено 2239 информации, которые способствовали раскрытию 73 преступлений, совершенных поднадзорными лицами.

Приняты меры для повышения эффективности и удобства работы с информационно-справочными учетами, реализована техническая возможность, обеспечивающая доступ к веб-ресурсам ИЦ УМВД России по Омской области сотрудников всех служб и подразделений УМВД, в том числе при несении ими службы по охране общественного порядка на постах и маршрутах патрулирования.

Ежедневно на постах и маршрутах областного центра и районов области сотрудниками комплексных сил полиции задерживают за совершение административных правонарушений либо по подозрению в совершении преступлений от 2 до 7 лиц, состоящих под административным надзором.

В автоматическом режиме информация о факте доставления поднадзорного в дежурную часть размещается на веб-сервере ИЦ УМВД, что дает возможность сотрудникам подразделений по надзору своевременно документировать факты невыполнения поднадзорными возложенных судом обязанностей и ограничений. Свой вклад в обеспечение контроля вносит и налаженное взаимодействие с УГИБДД УМВД России по Омской области, которое позволяет контролировать соблюдение поднадзорными запрета выезда за пределы г. Омска. Информация о государственных регистрационных номерах автотранспорта, управляющегося поднадзорными лицами, вносится в АПК «Поток», которым оборудованы выезды из города. При установлении фактов выезда за пределы г. Омска (въезда в г. Омск) информация направляется в УМВД России по Омской области для информирования территориальных органов внутренних дел и принятия мер административного воздействия.

Организованное комплексное информирование нарядов патрульно-постовой службы, Госавтоинспекции, дежурных частей позволило усилить контроль за лицами, состоящими под административным надзором, и, как следствие, увеличить интенсивность применения мер административного принуждения. Следует отметить, что актуальность ужесточения контроля и расширения перечня категорий лиц, склонных к совершению преступлений, подтверждается законодателем. За период действия Федерального закон № 64-ФЗ подвергался изменениям четыре раза. Наиболее значимые и способствовавшие увеличению числа лиц, находящихся в сфере действия федерального закона, отмечены в 2017 г. Введен обя-

зательный административный надзор за лицами, освобождаемыми или освобожденными из мест лишения свободы и имеющими непогашенную либо неснятую судимость за тяжкие и особо тяжкие преступления террористической и экстремистской направленности. В обязательном порядке под надзор попадают лица, чьи преступления были сопряжены с посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа, государственного или общественного деятеля, судьи, следователя, а также те, кто совершил преступление в период нахождения под административным надзором и был осужден к лишению свободы.

Помимо этого к перечню правонарушений, являющихся основанием для установления административного надзора за лицами, имеющими непогашенную судимость за тяжкое или особо тяжкое преступление, преступление при рецидиве или умышленное преступление в отношении несовершеннолетнего, отнесены также административные правонарушения, предусмотренные ч. 7 ст. 11.5, ст. 11.9, ст. 12.8, ст. 12.26 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Одновременно уточнен состав ограничений, устанавливаемых при административном надзоре. Лицам, не имеющим постоянного места жительства или пребывания, а также имеющим судимость за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, в обязательном порядке запрещено выезжать за установленные судом пределы территории.

Регламентирована процедура установления административного надзора в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы и не имеющих постоянного места жительства или пребывания. Важную роль при разрешении вопросов, связанных с установлением административного надзора, играют разъяснения, данные постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 15 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

Постановлением Пленума Верховного Суда разъяснен ряд моментов, касающихся установления административного надзора в период неотбытой части наказания условно-досрочно освобожденному лицу. При таких обстоятельствах административный надзор начинает осуществляться после отбытия лицом наказания, не связанного с лишением свободы, либо после истечения срока исполнения обязанностей, связанных с условно-досрочным освобождением, в случае их возложения на лицо в соответствии с ч. 2 ст. 79 УК РФ. С учетом разъяснений указанного постановления № 15 по заявлениям сотрудников территориальных органов внутренних дел административный надзор уже уста-

новлен в отношении 22 лиц, освобожденных условно-досрочно, надзор за которыми начнет осуществляться с 2018-2019 гг. С реализацией положений указанных федеральных законов и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 мая 2017 г. № 15 в Омской области на 18% возросло число лиц, находящихся под административным надзором органов внутренних дел.

В. Н. Борков

ОБ УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ ПРАВОВОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Актуальной и сложной является проблема определения направлений реформирования уголовного закона. Какой закон нам нужен: старый, с встроенными в него ранее изменениями, или принципиально новый. В представлении интеллектуалов либерального толка, логика конституционных оснований уголовного закона выглядит следующим образом. Высшей ценностью в России является человек, его права и свободы. В качестве главной свободы выступает свобода предпринимательской деятельности, свободное перемещение товаров и услуг. Поэтому и основная задача уголовного закона должна состоять в охране предпринимателей и их «священного» права на обогащение любыми средствами.

Е. П. Сергун в одном из положений диссертации предложил в ст. 280¹ «Пропаганда экстремистской идеологии» установить уголовную ответственность за внедрение в общественное сознание «антилиберальных, антидемократических установок» [1, с. 12]. В уголовно-правовом смысле демократическим является государство, уголовная политика которого поддерживается большинством. В апреле 2017 г. гендиректор ВЦИОМ В. Федоров представил доклад о базовых ценностях россиян, через которые они формируют свое отношение к власти. На первом месте стоит справедливость, которая воспринимается как равенство возможностей и равное распределение гарантированных государством благ. Следующая ценность — честность, т. е. требование к чиновникам не рассматривать государство как источник обогащения. На третьем месте стоит уважение. Государство должно уважать граждан, а руководители государства и бизнеса должны заслуживать уважения. На четвертом — безопасность физическая и юридическая. И только на последнем, пятом месте — свобода личности, которая рассматривается как свобода выбора и самореализации. Примечательно, что российское общество «...несвободно не потому, что нет политических свобод, а потому, что население очень бед-

ное» [2]. Большинство россиян связывают свои надежды на благополучие и социальные ожидания с деятельностью государства. По данным Центра стратегических разработок, открыть собственный бизнес хотят только 2% граждан России. Подавляющему числу россиян чуждо стяжательство, они остро нуждаются в порядке и справедливости.

В правовом государстве сущность законов выводится не из формального равенства и приватизированной свободы, а из интересов большинства населения. Правовое государство не конструирует преступность, а бескомпромиссно борется с ней. Правовое государство обязано контролировать экономику, в том числе с помощью уголовного закона. Задача государства состоит в уголовно-правовой защите интересов граждан и предпринимателей в той части, в которой они полезны для всего общества. Лоббисты особого статуса предпринимателей в сфере уголовно-правового регулирования общественных отношений убедили власть в том, что экономическому росту в России мешает уголовный закон, а не социальная безответственность бизнеса и стремление к получению прибыли любой ценой. Мифологическое обоснование имеют изменения уголовного закона, устанавливающие упрощенный порядок освобождения предпринимателей от уголовной ответственности (ст. 76¹ УК РФ), признающие предпринимательскую деятельность в качестве признака, образующего привилегированный состав мошенничества (чч. 5–7 ст. 159 УК РФ), обеспечивающие повышенную, в сравнении с другими гражданами, защищенность предпринимателей от незаконного уголовного преследования (ч. 3 ст. 299 УК РФ).

Утверждение об избыточности и жесткости уголовной репрессии в экономической сфере не находит рационального подтверждения. Оно противоречит статистике, представленной Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, в части видов назначаемых наказаний. Например, в 2015 г. из 148 осужденных за незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ) к реальному лишению свободы было приговорено 7 человек, 18 были осуждены к лишению свободы условно, 47 осужденным был назначен штраф, одному обязательные работы, а 76 осужденных освобождены от наказания по амнистии и иным основаниям. В 2016 г. из 160 осужденных к реальному лишению свободы приговорены 4 человека, условно осуждены 17 человек, 2 приговорены к обязательным работам, штраф назначен 85 осужденным, 52 от наказания были освобождены (Форма № 10.3).

Правовое государство должно наказывать предпринимателей за неисполнение обязательств перед обществом и строго карать за участие в коррупционных отношениях. В правовом государстве контроль

за доходами и расходами должен быть доведен до логической нормы. Что предполагает в случаях, когда несоответствие выражается в крупных, на порядок превышающих официальные доходы суммах, привлечение коррупционеров к уголовной ответственности. Это однозначно похищенные из бюджета средства. Заведомо ущербные и грабительские для государства и общества сделки пытаются оправдать ссылками на свободу экономической деятельности и договора. Апологеты экономической свободы утверждают, что в рыночных условиях покупная и действительная стоимость имущества объективно не могут быть эквивалентны, поэтому даже очевидная неэквивалентность обмена не может порочить сделку.

В настоящее время рассматривается проект внесения изменений в уголовный закон, направленных на усиление ответственности за злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа, совершенное должностными лицами и руководителями коммерческих организаций. Уголовный закон является важным политическим инструментом достижения конституционных целей. Политизированность уголовного закона проявляется, с одной стороны, во влиянии политических процессов на содержание стратегии и тактики уголовно-правовой охраны общественных отношений, с другой — в защите самой политической системы общества. УК РФ дополнен ст. 284¹, предусматривающей ответственность за руководство и участие в деятельности нежелательных на территории России организаций, которые представляют угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, обороноспособности и безопасности государства. В статье 303¹ УК РФ предусмотрена ответственность за неисполнение определенных обязанностей организацией, выполняющей функции иностранного агента. Правовое государство не боится быть уголовно-правовым, если это необходимо для его сохранения и обеспечения безопасности граждан. Разрушение и ослабление государства приводит к смуте, разрухе и страданиям народа. Укрепление государства — это путь к победам и процветанию.

Список литературы

1. Сергун Е. П. Уголовно-правовая политика в сфере обеспечения безопасности конституционного строя Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.

2. Гендиректор ВЦИОМ Валерий Фёдоров о том, что должна знать власть о ценностях современного российского общества сегодня. URL: <http://www.zvu-74.ru/articles/politika/01936> (дата обращения: 05.11.2017).

М. А. Бучакова

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Основной закон, принятый в 1993 г., послужил фундаментом становления и развития российской государственности. Российская государственная модель, сменившая советскую, потребовала обновления всего законодательства. Были закреплены основные юридические ценности: права и свободы человека; верховенство права, справедливость и равенство; демократическое, федеративное, правовое и социальное государство; разделение властей. В новом Законе заложены основы для консолидации органов публичной власти и их взаимодействия с институтами гражданского общества [1]. Однако Конституция принималась в условиях политического кризиса, сопровождающегося нестабильностью общественных отношений, и имели место неудачные формулировки, конструкции, в том числе по принципиальным вопросам. Дискуссии о конституционных изменениях ведутся по настоящее время. Достаточно широко известными в этой области теоретиками используется такой термин, как «преобразование» (Е. С. Аничкин, М. А. Митюков, Н. С. Бондарь). Некоторые авторы объединяют текстуальные и нетекстуальные изменения Конституции понятием «реформирование». А. Н. Костюков, анализируя положения Конституции, отмечает, что она является в значительной степени «фиктивной».

Согласно конституционно-правовой доктрине, расхождения между Основным законом и практикой его применения называются «фиктивностью», и реалии российской действительности свидетельствуют об имеющихся подобных фактах. Так, согласно ч. 2 ст. 13 Конституции, «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», однако в государственных документах последних лет подчеркивается значимость традиционных национальных ценностей. Вместе с тем, согласно Указу Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», приоритетным направлением государственной культурной политики России является «укрепление и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Кроме того, практически не реализовано конституционное положение о самостоятельности местного самоуправления, как одного из уровней публичной власти.

Учеными неоднократно отмечалось, что в Конституции налицо и дефекты конституционно-правовых идей (идея о местном самоуправлении, как отдельном от государства институте, и пр.). Более того, новеллы за-

конодательства о местном самоуправлении о том, что глава местной администрации может назначаться на данную должность по контракту, заключаемому по результатам конкурса, при этом половина членов конкурсной комиссии назначаются представительным органом соответствующего муниципального образования, а другая часть — высшим должностным лицом субъекта РФ, еще более отдаляют действующую систему организации местного самоуправления от заложенных в Конституции идей о местном самоуправлении.

Одной из базовых характеристик государства является социальное государство (ст. 7 Конституции), политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Вместе с тем, согласно статистическим данным, реальные денежные доходы (доходы за вычетом обязательных платежей, скорректированные на индекс потребительских цен), в октябре 2017 г. снизились на 1,3% по сравнению с соответствующим периодом 2016 г., а по сравнению с 2015 г. — на 5,9%. Некоторые названные в Конституции законы (в том числе Федеральный конституционный закон о Конституционном Собрании) до сих пор не приняты. Согласно тексту Конституции, народ является носителем суверенитета и единственным источником власти в России, осуществляя ее непосредственно, а также через органы государственной власти и местного самоуправления, однако статус народа, его права в разрывном виде не закреплены.

Существуют определенные вопросы и к федеративному устройству Российского государства, в частности, не совсем ясно, каким образом принцип равноправия субъектов сочетается с фактом вхождения некоторых субъектов в состав других. В этой связи представляет интерес конституционное развитие зарубежных государств, национальные правовые системы которых подвержены влиянию глобализационных процессов, охвативших современный мир, что сопровождается углублением противоречий между необходимостью обеспечить права и свободы человека и гражданина, с одной стороны, и требованиями безопасности личности, общества, государства в условиях новых глобальных угроз — с другой.

Конституционная реформа в Российской Федерации возможна как пересмотр положений Конституции РФ: изменение положений глав 1, 2 и 9 (ст. 135), направленных на изменение основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, порядка внесения конституционных поправок и пересмотра Конституции, в другие главы могут быть внесены поправки. Есть ли необходимость в конституционной реформе на современном этапе? Полагаем, что нет. И это связано не с тем, что, как отмечают многие ученые, конституционные преобразования в основном следу-

ет проводить без изменения текста Конституции РФ, «посредством ее нетекстуальной модификации», а прежде всего — продолжающейся в России трансформацией общественно-политических и социально-экономических отношений. В таких условиях радикальные конституционные преобразования могут привести к политической нестабильности в обществе.

Список литературы

1. *Конституционное (государственное) право: курс лекций / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Ю. В. Герасименко. Омск, 2011.*

А. В. Быков

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОЛИЦЕЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ И ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ГОРОДА ОМСКА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Основным нормативным правовым актом, регламентировавшим деятельность полиции в Российской империи, являлись Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, утвержденные Высочайшим указом 25 декабря 1862 г. Основной заботой полиции являлись поддержание общественного порядка, обеспечение исполнения распоряжений центральной и местной властей.

Полицией города руководил полицмейстер, возглавлявший Городское полицейское управление, созданное в Омске в 1832 г. Полиция на губернском уровне находилась в подчинении губернаторов, однако тесно взаимодействовала с городской думой и городской управой.

Существенное значение в отношениях полиции и органов городского самоуправления имело финансирование. Значительная часть средств на содержание полиции выделялась из городского бюджета, что сохраняло зависимость штатной численности и оснащения полиции от размера доходов конкретного города. Городская управа ежемесячно перечисляла деньги на жалование и «квартирные» нижним чинам и на наем квартир чинам управления полиции и повивальным бабкам, входившим в штат управления. За счет управы приобретались обмундирование, снаряжение, дрова и т. д. К примеру, на жалование нижним чинам Омской полицейской команды за июль 1889 г. было выделено старшим городовым по 11 руб. 8 коп. (в списке 10 чел.), младшим городовым по — 9 руб. 66 коп. (в списке 55 чел.) [1].

При необходимости штаты полиции могли быть увеличены. Инициатива могла исходить как от полицмейстера, так и от городской управы.

вы, однако на выделение средств требовалось согласие городской думы. В частности, в феврале 1896 г. по причине роста числа грабежей и краж городская дума выделила средства на наем дополнительно пяти конных стражников, которые привлекались частными приставами для ночных объездов. Органы самоуправления могли оказывать влияние на организационные вопросы охраны общественного порядка, высказывая пожелания, мнения по расстановке постов, усилению полицейского надзора в определенных местах города. В частности, в XIX в. появляются полицейские будки, стационарные полицейские посты, размещавшиеся на площадях, возле перекрестков крупных улиц, мостов и переправ. Строительство и содержание будок осуществлялось из городских доходов. В результате городская дума имела возможность участвовать в решении вопросов о целесообразности их размещения с точки зрения обеспечения безопасности горожан. Однако при недостаточности средств в городском бюджете содержание и ремонт таких постов оказывался затрудненным, что делало их непригодными для использования и бесполезными для охраны общественного порядка. Полиция должна была следить за чистотой улиц и площадей, требовать от владельцев домов очищать тротуары от снега и грязи, чистить сточные канавы. Данное направление деятельности предписано еще со времен Петра I и представляется функцией полиции как государственного органа, с другой стороны, реализуются предписания местных органов самоуправления.

Решала полиция и отдельные проблемы, возникающие в жизни города. Примером может служить ситуация, сложившаяся в октябре 1896 г. На рынках города значительно повысились цены на продовольствие из-за действий перекупщиков, нарушавших постановления городской думы и вызвавших недовольство жителей. Полицмейстером было отдано распоряжение чинам полиции пресекать нарушения правил торговли со стороны перекупщиков, не допускать скупки продовольствия вне рынков и в не разрешенное для торговли время. Полиция в подобных случаях исполняла в первую очередь обязанности, предписанные государственной властью, поскольку спокойствие населения, обеспечение продовольствием и предметами первой необходимости входили в понятие благочиния, безопасности, внутренних дел. С другой стороны, полиция выступала в роли блюстителя интересов городского населения, поскольку полиция содержится за счет городских доходов, в том числе самих горожан, и обязана заботиться о их благополучии.

Изученные архивные документы позволяют, таким образом, сделать вывод о безусловном наличии достаточно тесных связей органов местного самоуправления и полиции в г. Омске в исследуемый период при однознач-

ном приоритете в деятельности полиции исполнения обязанностей, возложенных на нее органами государственной власти. Однако во многом деятельность по их реализации совпадала с потребностями местных органов самоуправления и населения. Взаимодействие преимущественно было связано с вопросами финансирования городской думой полицейского управления. Ассигнование дополнительных средств позволяло городской думе и городской управе участвовать в решении кадровых вопросов, организации охраны общественного порядка полицией.

Список литературы

1. ГИАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 936. Л. 33.

А. Вандан-Иш

ПРАКТИКА НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ ПО УК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МОНГОЛИИ

Изучение проблем, связанных с практикой назначения наказаний за посягательство на здоровье представителя власти, предусмотренных уголовным законодательством России и Монголии, в настоящее время ставит немало важных вопросов практического плана.

Так, ст. 318 УК РФ предусматривается ответственность за применение насилия в отношении представителя власти. Данная норма состоит из двух частей, где в первой части предусмотрено следующее наказание: штраф в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо принудительные работы на срок до пяти лет, либо арест на срок до шести месяцев, либо лишение свободы на срок до пяти лет. Исходя из санкции, считаем правомерным сделать вывод о том, что такая разбросанность размера наказания дает правоприменителям широкие рамки судебного усмотрения. Иллюстрацией, которая подтверждает данный вывод, служит проведенный нами анализ приговоров судов разных регионов по ч. 1 ст. 318 УК РФ. Так, из 100 приговоров по ч. 1 ст. 318 УК РФ, которые были изучены в ходе данного исследования, в 92 правоприменитель обошелся без применения наказания в виде лишения свободы.

Сфера деятельности правоприменителей, в частности судьи, предполагает соблюдение при назначении наказания принципов, предусмотренных в УК РФ. Безусловно, наказание должно смягчаться по мере достиже-

ния результатов. Однако в настоящее время указанная позиция так и не находит своего отражения в уголовном законе РФ, т. е. в судебной практике при назначении наказания за те или иные преступления так называемый принцип справедливости (соразмерности) достаточным образом не соблюдается.

С целью выявления противоречий между официальной позицией законодателя и складывающейся судебной практикой нами было проведено исследование выносимых судами приговоров по ч. 2 ст. 318 УК РФ. Так, из 50 приговоров в 35 случаях судом применялось условное осуждение (70%), средний коэффициент которого составляет 2,6 года. Как видим, во всех изученных приговорах назначаемое наказание ниже размера наказания, установленного законодателем. Интересным в данном случае является также следующий факт. Несмотря на то, что ч. 2 ст. 318 УК РФ относится к категории тяжких преступлений, условное осуждение за его совершение применяется в 70% случаев. В нашем случае, как показывают результаты исследования приговоров суда по ч. 2 ст. 318 УК РФ, применение условного осуждения не имеет четко указанных ограничений.

Вопрос определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, на современном этапе в науке уголовного права Монголии также остается в числе актуальных и дискуссионных. Анализ судебной практики показывает, что при разрешении отдельных категорий дел суды еще не добились полного устранения недостатков в своей деятельности. Не искоренены факты необоснованного оправдания лиц, совершивших преступление, назначения мер наказания, не соответствующих характеру и степени общественной опасности и личности виновных.

Указанные данные приводят к выводу, что правоприменители обладают широким судебским усмотрением. С учетом определенных возможностей они нередко назначают наказания ниже, что вызывает сомнения в справедливости и целесообразности назначения наказания.

Ю. В. Герасименко

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ СТАТУСА

Создание института уполномоченного по защите прав предпринимателей в Российской Федерации обусловлено признанием социально-

экономической значимости предпринимательской деятельности и необходимости создания оптимального правового режима для ее осуществления, благоприятного экономического и инвестиционного климата. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» определил основные задачи Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей и уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах Федерации.

Федеральному уполномоченному, в частности, предписаны:

- защита прав и законных интересов российских и иностранных субъектов предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации и российских субъектов предпринимательской деятельности на территориях иностранных государств в соответствии с законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, договоренностями на взаимной основе федеральных органов государственной власти с государственными органами иностранных государств, международными и иностранными организациями;

- осуществление контроля за соблюдением прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления;

- содействие развитию общественных институтов, ориентированных на защиту прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности;

- взаимодействие с предпринимательским сообществом;

- участие в формировании и реализации государственной политики в области развития предпринимательской деятельности, защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности.

Эта должность входит в систему федеральных государственных органов и подотчетна Президенту Российской Федерации. Субъектам Федерации, в свою очередь, предоставлено право учреждать должность регионального уполномоченного по защите прав предпринимателей для решения соответствующих проблем на локальном уровне. Эта должность является государственной должностью субъекта Федерации. Правовое положение, основные задачи и компетенция регионального уполномоченного, а также порядок его назначения устанавливаются специальным законом субъекта РФ.

Его кандидатура согласовывается с федеральным Уполномоченным и региональным предпринимательским сообществом.

Имеющаяся практика свидетельствует, что специальному институту уполномоченных по защите прав предпринимателей сегодня приходится решать широкий спектр проблем, с которыми сталкиваются субъекты предпринимательской деятельности, бюрократическое давление, коррупция, излишние административные барьеры, незаконное уголовное преследование и т. д. Для более успешного их разрешения требуется расширение перечня инструментов, которые уполномоченные могли бы использовать в деле защиты прав предпринимателей. В частности, существует потребность внесения поправок в Федеральный закон «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей», в Уголовно-процессуальный кодекс, Кодекс административного судопроизводства и ряда иных нормативных правовых актов. Бизнес-омбудсмены должны обладать правом участвовать при рассмотрении дел в судах в качестве представителей субъектов предпринимательской деятельности. Это касается тех случаев, когда в суде рассматривается признание недействительными решений государственных органов. В остальных же категориях дел уголовного и арбитражного судопроизводства, а также по делам об административных правонарушениях уполномоченным по защите прав предпринимателей необходимо выступать в качестве защитника.

В. В. Головкин, А. И. Губин, О. А. Иванова

ЛИШЕНИЕ ПРАВА УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ ПО МЕДИЦИНСКИМ ОСНОВАНИЯМ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Общественная значимость обеспечения безопасности дорожного движения определяется огромными масштабами ущерба от дорожно-транспортных происшествий. Особенно опасно управление транспортным средством водителем в состоянии опьянения. В Российской Федерации медицинское обеспечение безопасности дорожного движения предусмотрено ст. 23 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения». Целью обязательного медицинского освидетельствования является определение наличия (отсутствия) у водителей транспортных средств (кандидатов в водители транспортных средств) медицинских противопоказаний, медицинских показаний или медицинских ограничений к управлению транспортными средствами. При этом в силу п. 1 ст. 28 Закона одним из оснований прекращения действия права на управление транспортными средствами служит установленное в резуль-

тате обязательного медицинского освидетельствования наличие медицинских противопоказаний или ранее не выявлявшихся медицинских ограничений к управлению транспортными средствами в зависимости от их категорий, назначения и конструктивных характеристик.

Помимо выявления медицинских противопоказаний, медицинских показаний или медицинских ограничений к управлению транспортными средствами в ходе проведения обязательного медицинского освидетельствования основанием для прекращения действия права на управление могут стать факты постановки граждан на динамический учет в наркологических учреждениях. Отдельно следует обратить внимание на такое возможное основание для прекращения права на управление, как привлечение к административной ответственности, предусмотренной ст. 6.9 КоАП РФ за употребление наркотических средств без назначения врача.

Осуществление деятельности, связанной с источником повышенной опасности, при алкоголизме, наркомании, токсикомании допускается только в случае стойкой ремиссии, а также после лечения и снятия с учета. Однако если в отношении лиц, страдающих алкоголизмом или наркоманией, имеется распространенная практика прекращения специального права в судебном порядке по искам прокуроров, то в случае других заболеваний подобной практики на сегодняшний день не имеется. Между тем имеющиеся у ряда граждан заболевания, такие как задержка умственного развития, эпилепсия и другие, также относятся к числу медицинских противопоказаний для осуществления деятельности, связанной с источником повышенной опасности для окружающих (использование транспортных средств). Следовательно, рассмотренные аспекты в сфере управления транспортными средствами не отвечают требованиям безопасности дорожного движения. Возможность принятия решения о прекращении действия права на управление транспортными средствами по рассматриваемым основаниям непосредственно органами ГИБДД в настоящее время фактически реализована быть не может.

Связано это прежде всего с тем, что ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, отнесены к врачебной тайне. Ее разглашение, как правило, не допускается, за исключением случаев, установленных чч. 3 и 4 данной статьи. В частности, без согласия гражданина данные сведения предоставляются по запросу органов дознания и следствия, суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством, по запросу органов прокура-

туры в связи с осуществлением ими прокурорского надзора, по запросу органа уголовно-исполнительной системы в связи с исполнением уголовного наказания и осуществлением контроля за поведением условно осужденного, осужденного, в отношении которого отбывание наказания отсрочено, и лица, освобожденного условно-досрочно.

И поскольку по смыслу закона под разглашением врачебной тайны следует понимать доведение информации до лиц, не указанных в Федеральном законе, а также исходя из того, что органы ГИБДД не являются органами дознания, то предоставление им сведений, составляющих врачебную тайну, будет являться незаконным. Порядок прекращения действия права на управление транспортными средствами при наличии медицинских противопоказаний или медицинских ограничений к управлению транспортными средствами на сегодняшний день не установлен. При наличии такого законодательного пробела в Российской Федерации на должном уровне не организован и обмен информацией, необходимой для своевременного реагирования и инициирования проверок, в том числе прокурорских, по фактам возможного наличия медицинских противопоказаний у граждан.

Между тем положительные примеры все же имеются. В Новосибирской области в целях предотвращения случаев обращения граждан для получения водительских удостоверений с поддельными медицинскими справками, а также для повышения качества и оперативности деятельности подразделениями ГИБДД и Наркологической службы Новосибирской области подписано соглашение о взаимодействии. Аналогичное соглашение составили Управление ГИБДД Кемеровской области и Областной наркологический клинический диспансер, и в его разработке принимал участие автор статьи [1]. Соглашением предусматривается передача наркологией в ГИБДД информации о фактах обращения граждан с целью получения медицинской справки с заключением об отсутствии наркологических расстройств, а также данных о результатах медицинских освидетельствований на состояние алкогольного и наркотического опьянения лиц, которые управляют транспортными средствами на территории области. Организация взаимодействия и координации деятельности госавтоинспекции и наркологических служб строится на принципах строгого соблюдения государственной, служебной и иной охраняемой законом тайны в соответствии с требованиями действующего законодательства, регламентирующего порядок обращения со сведениями ограниченного распространения.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о порядке восстановления права на управление транспортными средствами при отпадении оснований

его прекращения, подтвержденных медицинской справкой установленного образца с указанием в ней на отсутствие противопоказаний к управлению. В частности, на практике возникают противоречия с определением субъекта, полномочного рассматривать заявление о восстановлении специального права: либо это суд, принявший решение о прекращении такого права, либо экзаменационное подразделение ГИБДД, в общем порядке рассматривающее кандидата как не имеющего права на управление.

Вопросы сдачи квалификационных экзаменов и выдачи водительских удостоверений в настоящее время регулируются Законом о безопасности дорожного движения, постановлением Правительства РФ от 15 декабря 1999 г. № 1396 «Об утверждении Правил сдачи квалификационных экзаменов и выдачи водительских удостоверений», а также специальным приказом МВД России, которым утверждена Инструкция о порядке организации работы по приему квалификационных экзаменов и выдаче водительских удостоверений в подразделениях ГИБДД МВД России.

Право граждан Российской Федерации на управление транспортными средствами подтверждается соответствующим удостоверением, замена которого, согласно п. 39 Правил и п. 45 Инструкции, производится без сдачи экзаменов. Возврат водительских удостоверений лицам, срок лишения которых права управления транспортными средствами истек, производится в установленном порядке. При этом указанными нормативными актами не урегулирован порядок возврата водительского удостоверения в случае отпадения основания прекращения действия права на управление транспортным средством по медицинским показаниям. Не предполагается также, что компетентное должностное лицо ГИБДД должно ставить лиц, право которых прекращено в гражданском порядке по решению суда, в равное положение с лицами, лишенными права на определенный срок в других производствах (уголовном, административном).

Однако, исходя из взаимосвязи норм, регулирующих порядок возврата водительского удостоверения в случае отпадения других оснований прекращения действия права на управление транспортным средством, можно сделать вывод о том, что при отпадении оснований прекращения действия права на управление транспортным средством по медицинским показаниям возврат изъятых водительского удостоверения должен производиться без сдачи квалификационных экзаменов. И хотя аналогия с нормами, регулирующими возврат и выдачу удостоверений, в рассматриваемом случае не прослеживается, поскольку данные нормы не сходны по предмету правового регулирования с вопросами восстанов-

ления права (документ, подтверждающий уже имеющееся право, и отсутствие права вообще — понятия не тождественные), законодательством, регулирующим вопросы сдачи квалификационного экзамена и получения водительского удостоверения, не ограничивается действие во времени документов о прохождении обучения на получение права на управление транспортными средствами соответствующих категорий и, как следствие, результатов ранее сданных квалификационных экзаменов (при условии их документального подтверждения). Повторная их сдача предусмотрена лишь для кандидатов в водители, не сдавших теоретический или практический экзамен, а также в случае замены иностранного (международного или национального) водительского удостоверения, полученного в другом государстве.

Таким образом, при отпадении установленных ст. 28 Закона о безопасности дорожного движения оснований прекращения действия права на управление транспортными средствами (в том числе по медицинским противопоказаниям) ранее возникшее право должно возобновляться. Соответственно, лицам, имевшим данное право ранее, не может быть отказано в выдаче (замене) водительского удостоверения либо возврате прежнего, если оно не было аннулировано.

Список литературы

1. *Архив* Управления ГИБДД ГУ МВД России по Кемеровской области.

Т. Е. Грязнова

РОЛЬ ОСНОВНЫХ ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 1906 Г. В СТАНОВЛЕНИИ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ: ВЗГЛЯД ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРАВОВЕДОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Характерный для ведущих европейских держав процесс распространения конституционных учреждений в начале XX в. затронул и Россию. Его предопределенность была очевидной для либеральных представителей отечественной юриспруденции, убежденных в общности путей развития России и Запада. «Если законный порядок составляет самую насущную потребность русского общества, то эта потребность может быть удовлетворена только переходом от неограниченной монархии к ограниченной», — писал Б. Н. Чичерин накануне XX столетия [1, с. 147]. Либеральные реформы Александра II, установившие всеобщую гражданскую свободу и создавшие предпосылки для формирования гражданского об-

щества, требовали, по мнению исследователей, своего логического завершения – свободы политической.

Утверждение принципов конституционализма в России правоведы связывали с изданием Основных законов Российской империи от 23 апреля 1906 г., ставших, по их мнению, конституционной хартией, октроированной государем. Как отмечал Н. И. Лазаревский, «...по общему характеру своего содержания и потому, что они отличаются по своей юридической природе от остальных законов особо затрудненным условием своего пересмотра, наши Основные законы 23 апр. 1906 г. вполне подходят под тип конституционных законов, как он выработан практикою западных держав» [2, с. 122].

К числу закрепленных Основными законами принципов конституционализма исследователи относили: верховенство закона, разделение властей и народное представительство [3, с. 171–176; 4, с. 7–8; 5, с. 25]. В качестве особенностей отечественного конституционного строя они называли: доминантное положение монарха в системе органов государственной власти (прерогативы в области верховного управления, изменения Основных законов, назначения высших должностных лиц, утверждения законопроектов); формирование совета министров по воле императора, его внепартийный характер; отсутствие политической ответственности министров; минимальный контроль народного представительства за министерским управлением; сохранение административной гарантии должностных лиц, т. е. их фактической безответственности [5, с. 25–26, 171–172, 206–207; 3, с. 163–164, 174–175].

Указанная специфика российского конституционализма позволила отечественным правоведам констатировать определенную общность направлений конституционного развития России и Германии, завершившегося установлением дуалистического конституционного государства.

Однако время существования дуалистического конституционного государства в России оказалось очень недолгим: едва возникнув, оно было сметено революционным вихрем, уступив место сначала буржуазной, затем советской республике.

Список литературы

1. Чичерин Б. Н. Россия накануне XX столетия. Берлин, 1901.
2. Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908. Т. I.
3. Лазаревский Н. И. Русское государственное право. Пг., 1917. Т. I. Вып. I.

4. Гессен В. М. Теория конституционного государства: лекции, читанные студентам экономического отделения Санкт-Петербургского политехнического института императора Петра Великого. СПб., 1914.

5. Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907.

О. А. Дизер

КАТЕГОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАВРСТВЕННОСТИ В КОНСТИТУЦИИ И В ОТРАСЛЕВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

На рубеже XX–XXI вв. национальное государство, важнейший социально-правовой институт современности, вступило в период глубокой трансформации. Столкнувшись с новыми вызовами, во многом инициированными глобализацией и ее социальными последствиями, главный из которых, возможно, состоит в необходимости разрешить фундаментальное противоречие между стремлением к устойчивому развитию и возрастанием различных рисков в современном мире, государственная власть пытается разработать новые модели управления обществом [1, с. 3]. К базовым направлениям обновления государственной политики относится обеспечение общественной нравственности.

Наиболее важные, исходные положения нравственного характера закрепляются в конституциях государств, что позволяет обособить общественную нравственность в качестве объекта правовой защиты. Полный перечень объектов административно-правовой защиты и их наименование содержится в Конституции РФ.

Таковым является и нравственность. Важные нравственные установки, закрепленные в Конституции Российской Федерации, получили развитие в отраслевом законодательстве. Анализ современных федеральных законов показывает, что конституционное требование о защите нравственности прямо сформулировано в 31 федеральном законе.

С определенной долей условности упоминание об общественной нравственности в них можно разделить по группам.

1. Общественная нравственность указывается в качестве цели защиты вместе с основами конституционного строя, здоровьем, правами и законными интересами других лиц, обеспечением обороны страны и безопасности государства.

2. Общественная нравственность закрепляется в качестве объекта правонарушения.

3. К третьей группе следует отнести нормативные правовые акты, предусматривающие ограничения в связи с наличием судимости за совершение преступлений против общественной нравственности.

4. Четвертую группу образуют нормативные правовые акты, предусматривающие отказ в государственной регистрации организации, если ее наименование оскорбляет нравственность.

5. К пятой группе следует отнести нормативные правовые акты, нормы которых направлены на защиту нравственности несовершеннолетних.

Законодатель, устанавливая нравственность в качестве объекта правовой защиты, не определил его понятие и содержание. Это обстоятельство не способствует эффективной защите общественной нравственности, поскольку является не совсем понятным, что представляет собой общественная нравственность и каковы пределы ее защиты. Для определения содержания термина «общественная нравственность» и, соответственно, границ административно-правовой защиты в рассматриваемой сфере считаем необходимым определить признаки антисоциального поведения:

- закреплённая правовыми нормами административного или уголовного законодательства ответственность за совершение антисоциальных явлений;

- поведение, которое может наносить реальный ущерб самой личности или окружающим;

- поведение характеризуется как стойко повторяющееся (многократно или длительно);

- наличие медицинских заболеваний, как правило, сопровождающих антисоциальное поведение;

- поведение сопровождается явлениями социальной дезадаптации.

С учетом предложенных признаков антисоциального поведения, к их числу следует отнести пьянство и алкоголизм, наркоманию, бродяжничество и попрошайничество, проституцию.

Список литературы

1. Андреева И. А. Полицейская система Франции : монография. Омск, 2011.

А. В. Жилиев

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Современный этап реформирования государственного устройства России характеризуется активным формированием законодательства, регулирующего отдельные аспекты разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти разных уровней, поиском новой модели взаимоотношений центра и регионов. Вместе с тем он является лишь промежуточной стадией общего процесса, который должен завершиться появлением окончательных, базовых основ отечественного федерализма. Очевидно, что для выхода на качественно иной уровень экономического развития как федерации, так и ее субъектов в будущем неизбежно встанет вопрос об их значительном сокращении (в 2–3 раза). Уже сейчас во властных структурах дискутируется вопрос о возможном слиянии различных субъектов Федерации в разных частях нашей страны. Например, об объединении Тюменской, Омской и Новосибирской областей.

Одним из направлений совершенствования федеративных отношений при этом станет усиление гарантий государственного суверенитета и территориальной целостности России. Потребность в подобных действиях возникнет в связи с увеличением экономического потенциала новых территорий и, соответственно, ростом их политического влияния. Они станут самодостаточными и способными по-иному вести диалог с федеральными властями, в том числе отстаивать свои интересы радикальными способами. Негативный эффект в некоторых случаях может усугубиться, если они объединятся для достижения общей цели.

Возможность такого сценария развития событий определяется опытом ряда зарубежных стран и, к сожалению, нашим собственным опытом 90-х гг. прошлого века, когда «парад суверенитетов» субъектов Федерации спровоцировал острейший конституционный кризис, приведший к фактическому выходу многих регионов из правового поля и утрате федеральными органами власти возможности влиять на ситуацию. В тот период только ценой их значительных усилий удалось устранить многочисленные сепаратистские настроения и избежать распада России.

Анализ Конституции РФ позволяет сделать вывод, что в ней закреплены следующие принципы отечественного федерализма: государственный суверенитет; единство системы государственной власти; равноправие субъектов Федерации; единство конституционно-правовой системы; разграничение предметов ведения между Федерацией и ее субъектами;

разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Федерации; равноправие и самоопределение народов России. Интересующее же нас в первую очередь понятие «территориальная целостность» закреплено в Основном законе не как принцип, а как право и обязанность государства по ее обеспечению, реализуемые в рамках действия правила о распространении суверенитета России на всю ее территорию. Условия и порядок применения указанных положений регламентируются другими нормами Конституции, а также целым массивом действующего законодательства.

Важно отметить, что приведенный перечень принципов не является исчерпывающим. Данное обстоятельство опосредуется тем, что сложная общественно-политическая обстановка, в которой принималась Конституция, позволила включить в ее текст только упомянутые нормы. Вместе с тем необходимо признать, что в совокупности все современное отечественное право в рассматриваемой сфере достаточно эффективно обеспечивает устойчивое развитие Российской Федерации и сейчас. Однако это не гарантирует отсутствия проблем в будущем. В этой связи необходимо предпринять следующие шаги.

Во-первых, следует включить в Конституцию РФ новые принципы федерализма. При этом подчеркнем, что мы будем вести речь только о тех из них, которые обеспечат дополнительные гарантии государственного суверенитета и территориальной целостности нашей страны. Иные изменения, связанные с объединением субъектов Федерации, в перспективе должны параллельно (последовательно) вноситься в законодательство в процессе выработки условий и порядка их укрупнения и выбора новой модели взаимоотношений между центром и регионами. Указанный аспект вопроса сам по себе является темой для отдельного разговора [1; 2].

Таких принципов, считаем, должно быть минимум три:

1. *Запрет сецессии*. Данный принцип органично дополнит имеющийся и исключит многие потенциальные проблемы в будущем. Именно его отсутствие в прежней конституции в значительной степени спровоцировало конституционный кризис конца прошлого века, о котором говорилось выше.

2. *Федеральное вмешательство (прямое президентское правление)*. Наличие его как в предыдущей, так и в действующей Конституции на момент ее принятия также сложно было себе представить в силу существовавших на тот период пробелов в законодательстве, отсутствия целенаправленной системной политики в области федеративных отношений, игнорирования объективных процессов, происходивших в субъектах Федерации, и еще це-

лого ряда иных причин. Вместе с тем существование этого института, как показывает российская и зарубежная практика, является жизненно необходимым для сохранения территориальной целостности государства.

3. *Запрет на проведение референдумов с так называемыми сепаратистскими вопросами* в любой их формулировке. Речь в данном случае идет именно о возведении до уровня принципа правила, которое на первый взгляд может показаться второстепенным, допускающим возможность его регулирования другим образом.

Во-вторых, логичным и обязательным следствием указанных преобразований должна стать разработка и включение в Конституцию и законодательство соответствующих гарантий действия новых и уже имеющих принципов, а также механизма их реализации. При этом в основу формулирования соответствующих норм права должен быть положен излагающийся в юридической литературе тезис о том, что по аналогии с системой сдержек и противовесов, разработанной применительно к трем ветвям власти по горизонтали, в федеративном государстве система сдержек и противовесов должна действовать в отношении вертикальных уровней организации публичной власти.

В заключение отметим, что предлагаемые нами реформы, безусловно, рассчитаны на будущее. Однако именно сейчас есть возможность все взвешенно обсудить и принять компромиссное решение, с которым будут согласны все стороны. Результатом данной работы должно стать появление такого механизма обеспечения территориальной целостности России, который надежно гарантирует единство нашего государства.

Список литературы

1. Жилиев А. В. Проблемные аспекты реализации федеративной реформы на современном этапе // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 3.

2. Жилиев А. В. Основные направления государственного строительства в современной России // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 3(44).

А. Ю. Клементьев

ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Конституция РФ гарантирует общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образова-

ния в государственных и муниципальных учреждениях и предприятиях. При этом получение основного общего образования является обязательным. При неизменности конституционных норм система образования в настоящее время модернизируется. Анализ деятельности образовательных организаций по возмездному оказанию образовательных услуг, основанный на практических наблюдениях, позволяет выявить основные факты, приводящие к нарушению прав обучающихся.

1. Часто не заключается в письменной форме договор об оказании образовательных услуг по программам дополнительного образования, как правило, имеющих краткосрочный характер.

2. Поступающего на обучение не знакомят под расписку с учебным планом (иным документом, его заменяющим).

3. Учебный план не входит в договор составной частью и нередко подвергается произвольному изменению со стороны администрации образовательной организации в процессе обучения.

4. Образовательная организация, осуществляющая так называемый публичный набор, не объявляет план набора в соответствии с лицензией, т. е. число вакантных мест, начало, окончание приема.

5. В договоре нередко не указываются конкретные меры правовой ответственности образовательной организации за нарушение договорных обязательств, а также внедоговорных, но обусловленных законом (например, при потере лицензии, утрате силы свидетельства о государственной аккредитации).

Эта ответственность носит гражданско-правовой характер, и ее возникновение обуславливается неисполнением либо ненадлежащим исполнением соответствующих договорных обязательств по осуществлению платной образовательной деятельности исполнителем.

Ю. И. Контимирова

РЕАЛИЗАЦИЯ ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВОГО И НОРМАТИВИСТСКОГО ПОДХОДОВ К ПОНИМАНИЮ ПРАВА В КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Современная юридическая наука базируется на принципе плюрализма, этим обуславливается наличие множества подходов к пониманию права. При этом наиболее ярко в российской правовой действительности реализованы два основных: нормативистский и естественно-правовой. Вопрос о возможности сочетания данных подходов является дискуссионным. На наш взгляд, развитие общественных отношений существен-

но повлияло на соотношение данных подходов, поэтому в случае закрепления основных ценностей естественного права в законодательстве как результата правотворческой деятельности вполне возможно их сосуществование. Можно согласиться с мнением В. А. Толстика, который считает возможным использовать естественное право с точки зрения критерия для оценки позитивного права [1, с. 19]. При этом естественно-правовой подход можно рассматривать как идеальный подход, находящийся в сфере должного, в свою очередь нормативистский подход является подходом реальным, находящимся в сфере сущего [2, с. 17].

Существующий научный плюрализм находит отражение в нормативных правовых актах, в частности в Конституции РФ, где реализуется как естественно-правовой, так и нормативистский подходы к пониманию права. При этом нормативистский подход проявляется в наличии в Конституции РФ норм права прямого действия, обеспеченных мерами государственного принуждения. Однако помимо норм права Конституция РФ закрепляет ряд общечеловеческих ценностей, таких как справедливость, равенство, гуманизм и других, которые лежат в основе естественно-правового подхода.

Одной из особенностей действующей Конституции РФ является ее программный характер. Учитывая возможное соотношение естественно-правового и нормативистского подходов, нормы, реализованные в законодательстве, должны быть ориентированы на программные нормы Конституции РФ и не должны вступать с ними в противоречие. Однако фактически некоторые положения не отвечают данным требованиям, что приводит к негативным последствиям.

Одним из ярких примеров является ст. 20 Конституции РФ, которая закрепляет право каждого человека на жизнь, а также содержит исчерпывающий перечень условий, при которых возможно применение смертной казни. Помимо непосредственного закрепления данного права, Конституция РФ в ч. 3 ст. 56 предусматривает механизмы для его обеспечения путем установления запрета на ограничение данного права при введении чрезвычайного положения. Помимо субъективных прав, относящихся к разряду естественных, действующая Конституция РФ закрепляет ряд общечеловеческих ценностей, лежащих в основе естественно-правового подхода, которые должны находить свое отражение в отраслевом законодательстве. Однако в практике встречаются случаи противоречия указанным ценностям.

Таким образом, в Конституции РФ, а также отраслевом законодательстве, раскрывающем ее положения, и естественно-правовой, и нормативистский подходы находят свое воплощение. В то же время при ре-

ализации конкретных положений Конституции РФ между данными подходами наблюдаются определенные противоречия.

Список литературы

1. Толстик В. А. От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права // Гос-во и право. 2004. № 9.
2. Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Гос-во и право. 2003. № 6.

Е. В. Кошелев

КОНСТИТУЦИОННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРЕЗИДЕНТА РФ

Конституция РФ, предусмотрев возможность отрешения президента РФ от должности на основании выдвинутого в отношении его обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления, установила закрытый перечень преступлений, за совершение которых Президент РФ может быть отрешен от должности и составы которых определяются Уголовным кодексом РФ. В отличие от отставки, которая носит добровольный характер (ч. 2 ст. 92 Конституции), отрешение Президента РФ от должности предполагает принудительное лишение главы государства его полномочий и выступает одной из мер конституционной ответственности. Процедура отрешения от должности Президента РФ проходит в три этапа и достаточно подробно описана в Конституции РФ и юридической литературе [1; 2]. Каждый этап процедуры включает ряд последовательных действий полномочных субъектов, исходя из их компетенции и функций. Данные действия ограничены довольно жесткими рамками и совершаются в строго определенные сроки, чтобы не нарушить установленный конституционный срок (три месяца). В противном случае при нарушении общего срока обвинение против Президента РФ считается отклоненным.

Если импичмент главы государства состоялся, то в случае совершения им преступления он несет ответственность по нормам уголовного законодательства, как обычное лицо. Но несмотря на относительно емкую и подробную регламентацию данной меры конституционной ответственности, фактический порядок ее применения весьма труден. Так, неудачная попытка отрешения от должности Президента РФ Б. Н. Ельцина выявила ряд недостатков и юридических ошибок в этих действиях. С само-

го начала строго правовая процедура импичмента приобрела политический характер. Конституция РФ предусматривает только результат процедуры импичмента, но практически не предусмотрен непосредственно механизм реализации этой процедуры.

Специальная Комиссия Государственной Думы должна была сама определить, каким образом она будет работать по процедуре импичмента. И это стало одной из основных причин, которая преобразовала данную процедуру из правовой в политическую. Во-первых, потому, что она прописана в Конституции так, что никогда не может иметь правовых последствий. Во-вторых, потому, что по факту эта процедура не может иметь завершения, она будет остановлена на стадии Верховного Суда. И даже если она дойдет до Конституционного Суда, то для того, чтобы Конституционный Суд пропустил процедуру на следующий этап, в Совет Федерации, он должен сначала отменить свое собственное решение. Имеется в виду решение Конституционного Суда, когда в действиях Президента РФ им не было найдено нарушений Конституции РФ. Следовательно, на стадии рассмотрения Конституционным Судом эта процедура будет остановлена, так как решение уже было принято и процедура импичмента проводилась по обвинениям Президента в деяниях, совершенных в иной избирательный срок [3].

Таким образом, мы считаем, что удержать процедуру импичмента в рамках права и сделать ее эффективной возможно только после принятия федерального конституционного закона, который урегулировал бы эту процедуру и предусмотрел ответственность Президента за противоправные действия в связи с процедурой импичмента. Это означало бы, что Конституция РФ, сделав оценку федерального конституционного закона в части импичмента Президента, могла начать его реализацию только после принятия данного закона, определяющего основные принципы механизма реализации процедуры импичмента.

Список литературы

1. Кошелев Е. В. Правовая охрана конституции: некоторые аспекты конституционной ответственности // Подходы к решению проблем законодотворчества и правоприменения : межвуз. сб. науч. тр. адъюнктов и соискателей. Омск, 2001.
2. Кошелев Е. В. Конституционная ответственность в Российской Федерации. Омск, 2008.
3. Конституционное (государственное) право : курс лекций / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Ю. В. Герасименко. Омск, 2011.

А. В. Леженин, М. В. Скрынникова

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Современная российская справочная правовая литература характеризует юридический процесс с позиции господствующей общетеоретической правовой доктрины как «нормативно установленные формы упорядочения юридической деятельности, направленные на оптимальное удовлетворение и гарантирование интересов субъектов права» [1, с. 159]. В литературе высказываются разные подходы к понятию «юридический процесс». Как справедливо подытоживает их О. Е. Солдатова, сторонники «узкого» подхода ограничивают процесс только судебной деятельностью либо включают в него все виды юрисдикционной правоохранительной деятельности, независимо от того, каким образом она осуществляется. При «широком» понимании юридического процесса он рассматривается как любая деятельность, в том числе также и правотворческая деятельность любого субъекта по созданию и реализации (в любой форме) норм права.

Как же восприняты указанные противоборствующие концепции на уровне теории процесса конституционного? По мнению А. Н. Кокотова и М. С. Саликова, конституционный процесс объединяет в себе множество процедур (производств), нацеленных на осуществление конституционных (уставных) норм. Он включает наряду с конституционным судебным процессом, например, производство по делам о гражданстве, о статусе беженцев, вынужденных переселенцев, законодательный (нормотворческий) процесс в представительных органах государственной власти, избирательный процесс, процесс проведения референдумов и др. [2, с. 12].

По нашему мнению, конституционный процесс должен в теоретическом плане восприниматься исключительно с «узкой», или юрисдикционной точки зрения. Дело здесь даже не в копировании принципов построения таких давно устоявшихся видов юридического процесса, как процессы уголовный и гражданский (хотя и этот фактор имеет весьма существенное значение). Решающими для обозначенных выше теоретических споров, как представляется, являются следующие обстоятельства: одназначная юридическая четкость подразделения конституционного процесса на отдельные производства, в которых законом определены процессуальные сроки, стадии, статус участников процесса с соответствующими гарантиями, процессуальные формы закрепления достигнутых на различных стадиях процесса результатов.

Указанное возможно только применительно к деятельности органов конституционной юстиции. Поэтому позитивная деятельность государственной администрации в виде организации избирательных кампаний, предоставления отдельных, особых статусов субъектам, подготовки и принятия законов и иных нормативных правовых актов не должна рассматриваться в качестве элементов конституционного процесса, так как в своей исходной фактической основе не основывается на правовом споре (конфликте). Рассмотрим, какие же процессуальные производства в Конституционном Суде РФ действительно непосредственно предполагают разрешение спора (конфликта) (разумеется, при известном условии, что органы конституционной юстиции рассматривают вопросы права, а не вопросы факта, как суды общей юрисдикции).

Буквальное толкование правовых норм, изложенных в соответствующих статьях Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ» свидетельствует о том, что из общего перечня процессуальных судебных производств, определенных ст. 3, к интересующей нас категории относится рассмотрение следующих категорий дел: а) о соответствии Конституции РФ нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними; б) по спорам о компетенции; в) о конституционности законов по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан; г) о конституционности законов по запросам судов; д) о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека; е) о даче заключения о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента РФ в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления. Иные производства в Конституционном Суде РФ не обязательно во всех случаях связаны именно с разрешением правовых конфликтов. Таким образом, даже не весь перечень направлений деятельности, составляющих компетенцию Конституционного Суда РФ, непосредственно связан с юридическим спором (конфликтом) и, соответственно, осуществляется на началах правосудия.

Список литературы

1. *Юридический энциклопедический словарь* / под ред. А. В. Малько. М., 2016.
2. *Конституционный судебный процесс : учебник для вузов* / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. М. С. Саликов. М., 2003.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЛОГОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА И РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА: ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Налоговая безопасность есть результат деятельности субъектов, как наделенных властными полномочиями, так и не обладающих ими (налогоплательщиков, налоговых агентов, свидетелей правонарушений и т. д.).

Роль права в обеспечении безопасности в условиях рыночной экономики заключается в законодательном установлении не просто таких правоотношений между субъектами хозяйствования, которые «в наибольшей степени обеспечивают мотивацию экономической деятельности», но в обеспечении одновременного соблюдения интересов всего государственно-организованного общества. Посредством правового воздействия формируется результирующая воля государственно-организованного общества совместно с его экономически активными членами.

Стратегической целью обеспечения налоговой безопасности государства называют создание условий для развития социально-экономической и военно-политической стабильности общества [1, с. 34]. Между тем налоги выступают финансовой основой выполнения всех функций современного государства, имеющих равное значение для его существования. Потому выделять среди целей налоговой безопасности стабильное выполнение лишь двух групп функций государства не вполне верно. К тому же «развитие стабильности» — явный оксюморон. Стратегической целью обеспечения налоговой безопасности государства является выполнение всех функций и задач государства и муниципальных образований, актуальных как для текущего периода, так и в целях перспективного развития с учетом конституционно значимых ценностей. Причем выполняемые государством функции не ограничиваются сбором обязательных платежей в бюджет, эта деятельность является не самоцелью, а лишь средством. Исходя из Стратегии национальной безопасности РФ, последняя предполагает защищенность государства, общества и личности в их единстве.

Потому государственную, общественную и личную безопасность необходимо не противопоставлять друг другу, а рассматривать как элементы единой системы национальной безопасности. Полная и эффективная реализация прав и законных интересов граждан и их общностей в рав-

ной степени отвечает потребностям национальной (в том числе налоговой) безопасности, как и защита интересов государства в целом. Сложно согласиться с учеными, рассматривающими в качестве угроз налоговой безопасности государства лишь нарушение законодательства использованием налогоплательщиками «методов минимизации налогообложения» [2, с. 43–46] либо, несколько шире, нарушение законодательства о налогах [3, с. 12–15].

Нарушения законодательства — неотъемлемая часть общественных отношений в государстве. Вызывающие их противостоящие интересы налогоплательщиков и государства — также не угроза, с которой нужно бороться [4, с. 15–16], а субстантивный элемент налоговой системы любого государства. Недопустимо сведение причин возникновения угроз налоговой безопасности, имеющих сложный социоэкономический характер, только к недисциплинированности налогоплательщиков, без учета других управленческих, социальных и экономических факторов, детерминирующих собираемость налоговых доходов бюджетов и подлежащих регулированию со стороны различных отраслей права. Обстоятельное к причинам сокращения поступлений налогов и сборов подходят иные ученые, выделяющие среди них не до конца обоснованные изменения налогового законодательства, неэффективную работу налоговых и таможенных органов по контролю за уплатой налогов и сборов, а также за возвратом налогов [5, с. 75–76]. В правовом государстве необходимым условием обеспечения безопасности в любой сфере, ее важнейшим косвенным индикатором является закрепление соответствующих ценностей в Основном законе.

Неотъемлемым элементом системы индикаторов налоговой безопасности государства выступает уровень инвестиций (как государственных, так и частных) в развитие человеческого капитала. Человеческий капитал — это запас знаний, умений, навыков, мотиваций, способностей и здоровья, который формируется в результате инвестиций [6, с. 6–7] и содействует росту доходов не только отдельного человека, но и государства в целом [7, с. 139]. То есть «о человеческом капитале можно говорить и как о факторе национального богатства» [8, с. 4]. В настоящее время в рейтинге стран по индексу человеческого развития (показатель, в расчете которого участвуют практически те же элементы, которые характеризуют человеческий капитал) Россия занимает лишь 49-е место в мире. Высокий уровень налогообложения и избыточность налогового администрирования, дестимулирующие экономическую активность населения, неизбежно подрывают налоговую базу государства, а значит угрожают его налоговой безопасности.

Публично-правовая деятельность по обеспечению налоговой безопасности государства должна быть направлена на осуществление прав и свобод человека и гражданина. Это необходимое условие ее конституционности и эффективности.

Список литературы

1. Чельшьева Э. А. Система налоговой безопасности и развитие ее нормативно-правового обеспечения // TerraEconomicus. 2010. Т. 8. № 3. Ч. 3.
2. Пинская М. Р. Налоговый риск: сущность и проявления // Финансы. 2009. № 2.
3. Ильин А. Ю. Налоговая деликтность как фактор угрозы финансовой безопасности государства // Финансовое право. 2015. № 3.
4. Карданов В. З. Правовое обеспечение экономической безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004.
5. Пансков В. Г. Налоговые риски: проявление и возможные пути минимизации // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 4.
6. Добрынин А. Н., Дятлов С. А., Цыренова Е. Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. СПб., 1999.
7. Милль Дж. С. Основы политической экономии. М., 1980. Т. 1.
8. Костюков А. Н. Приоритеты конституционно-правового развития современной России // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 1.

Л. А. Терехова

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ СУДОПРОИЗВОДСТВА В ОТРАСЛЕВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Среди основополагающих начал судопроизводства, непосредственно закрепленных в Конституции РФ, особую значимость при рассмотрении дел в суде имеют принципы гласности, состязательности и равноправия сторон (ст. 123). Указанные принципы связаны с другими принципами, непосредственно закрепленными в Конституции РФ: свободы слова и права свободно искать, получать, использовать информацию (чч. 1 и 4 ст. 29 Конституции); равенства граждан перед законом и судом (ст. 19 Конституции). Но главное — они служат основой для развития отрас-

левого гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства.

Для отраслевого процессуального законодательства характерно узкое понимание гласности, поскольку в основном названные нормы АПК и ГПК регулируют основания и порядок проведения *закрытого судебного заседания*. Единственное, что можно узнать из этих норм непосредственно о самой о гласности, это то, что разбирательство дел в судах *открытое*, а судебные акты должны *провозглашаться публично* (чч. 1 и 8 ст. 11 АПК; чч. 1 и 8 ст. 10 ГПК). Усеченное понимание гласности в процессуальных кодексах не так безобидно, как это может показаться на первый взгляд. Например, в понимание гласности не включается доступность текстов решений, вынесенных судом. Обходят вниманием и тот факт, что деятельность суда ярче всего проявляется в аргументированном решении по существу дела. В настоящее время основными в развитии процессуальных норм следует считать два вектора: оптимизацию судебных процедур и развитие электронных средств коммуникации. Оба вектора серьезно затрагивают именно гласность судопроизводства. Одно из направлений оптимизации — развитие упрощенного и приказного производств, общим признаком которых является рассмотрение дела без вызова сторон и проведения судебного заседания. Другое направление — отказ от написания судом мотивированных решений. В обоих случаях страдает гласность судопроизводства. Отсутствие судебного заседания скрывает от общества процедуру рассмотрения дела, отсутствие мотивированного решения скрывает от любых заинтересованных лиц, каким образом суд пришел именно к такому решению, почему отверг одни аргументы и принял другие и, наконец, был ли он реально беспристрастен? Понять это без процедуры судебного заседания и без мотивированного решения по существу дела невозможно.

Европейский суд по правам человека отмечает, что гласность решения должна быть гарантирована различными способами, это не только его оглашение вслух в зале суда. Государство и его законы должны гарантировать контроль правосудия общественностью для сохранения права на справедливое судебное разбирательство [1].

Согласимся с тем, что «изложение мотивированного решения является единственной возможностью для общественности проследить отправление правосудия, отсутствие мотивированного решения фактически выводит из-под общественного контроля осуществление правосудия» [2]. Отсутствие мотивировки решения означает, что позиция суда неясна, он «закрыт» для сторон, с ним невозможно общаться на юридическом языке и понять, почему он принял то или иное решение.

Внедрение элементов электронного правосудия, с одной стороны, дает дополнительные возможности для реализации принципа гласности (возможность общаться через видеоконференцсвязь, возможность просмотра и прослушивания записей в судах проверочных инстанций), но, с другой стороны, ту же самую гласность ущемляет (электронное дело).

Отметим, что электронные технологии затронут и реализацию принципа состязательности и равноправия сторон. Не только полностью электронное дело, но даже и подача документов в электронном виде ставит участников в неравное положение. Понимание состязательности и равноправия сторон в процессуальных кодексах существенно различается, и не только особенности субъектного состава в арбитражных судах и судах общей юрисдикции тому причиной. Скорее, это объясняется историей создания арбитражных судов и негласным статусом АПК как «кодекса нового поколения», в то время как ГПК (также негласно) считается имеющим «советское» происхождение. Действительно, ст. 12 ГПК «Осуществление правосудия на основе состязательности и равноправия сторон» мало что объясняет в отношении сущности состязательности и равноправия. В ней отмечается необходимость сохранения судом объективности и беспристрастности и перечисляются *обязанности суда* в процессе: осуществляет руководство процессом; разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности; предупреждает о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий; оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав; создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел.

Даже простое сравнение с нормами АПК, посвященными состязательности и равноправию сторон, показывает, насколько они лучше и современнее. Статья 9 АПК, помимо отмеченных обязанностей суда, которые он должен выполнять, сохраняя объективность и беспристрастность, содержит целый ряд правил, наполняющих состязательность новым содержанием: право знать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства; гарантии участия в состязательном процессе (право представлять доказательства арбитражному суду и другой стороне по делу, право заявлять ходатайства, высказывать свои доводы и соображения, давать объяснения по всем возникающим в ходе рассмотрения дела вопросам, связанным с представлением доказательств); правило о несении лицами, участвующими в деле, риска наступления последствий совершения или несовершения процессуальных действий (ч. 2 ст. 9).

Равноправию сторон посвящена отдельная статья, которую с полным правом можно признать нормой, развивающей положения Конституции, поскольку она действительно разъясняет содержание этого принципа. Так, разъясняется, что стороны пользуются равными правами на заявление отводов и ходатайств, представление доказательств, участие в их исследовании, выступление в судебных прениях, представление арбитражному суду своих доводов и объяснений, осуществление иных процессуальных прав и обязанностей (ч. 2 ст. 8), а арбитражный суд не вправе своими действиями ставить какую-либо из сторон в преимущественное положение, равно как и умалять права одной из сторон (ч. 3 ст. 8). Состязание, в котором стороны изложили суду свои аргументы, должно завершаться судебным вердиктом, из которого понятно, как распорядился суд представленными доказательствами и на основании чего сформулировал свои выводы. Судебное решение может быть кратким, и к этому нужно стремиться, но смысл справедливого судебного разбирательства заключается в том числе и в обязанности суда указывать мотивы своего решения применительно к конкретным обстоятельствам дела [3].

В целом следует признать, что реализация конституционных принципов судопроизводства в отраслевом законодательстве неудовлетворительна. Процессуальные кодексы не унифицированы в этом вопросе, отсутствует единое понимание и смысловое наполнение принципов. Кроме того, многие современные направления в развитии судопроизводства фактически в содержании принципов не учитываются. Представляется, что новое время требует и новой юридической техники норм, посвященных конституционным принципам судопроизводства.

Список литературы

1. *Постановление Европейского суда по правам человека от 31 января 2008 г. по делу «Бирюков против России», жалоба № 14810/02 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*
2. *Султанов А. Р. Мотивированность судебного акта как требование стандартов справедливого правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 12. // Там же.*
3. *Принцип 6 Рекомендации № R(84) 5 Комитета министров государствам-членам Совета Европы относительно принципов гражданского судопроизводства, направленных на совершенствование судебной системы : постановление Европейского суда по правам человека от 9 декабря 1994 г. по делу «Руис Тория против Испании» // Там же.*

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО БУДУЩЕГО

Одним из достижений Конституции РФ является остановка дальнейшего распада общества и стабилизация общественных отношений. В рамках самосохранения рано или поздно развитие должно быть возобновлено и для этого понадобятся новые правовые инструменты, а значит новая конституция. В чем заключаются основные изъяны действующей Конституции РФ? Во-первых, являясь разновидностью законодательства переходного периода, она включает стабилизационные механизмы, но при этом содержит ограниченное количество точек для роста и развития. Во-вторых, она прописывает универсальные, обезличенные ценности и совершенно не отражает двойственность восприятия жизни, а также русскую цивилизационную идентичность и ценности. В-третьих, Конституция РФ содержит множество неверно расставленных приоритетов: внешних интересов над внутренними, национальных меньшинств над большинством, человека над государством и обществом, прав над обязанностями и т. д. В-четвертых, материал Конституции РФ построен по западным социальным технологиям и содержит западную идеологию, что порождает различные зависимости и подконтрольное извне состояние.

Каждый народ уникален, обладает характерными чертами и традициями, которые в идеале должны найти отражение в национальной правовой системе. Универсальное право может осуществлять регулирование лишь незначительное время, поскольку исключаются развитие внутренних сил и эффективное использование особенностей народа. На чем основано право будущего? Оно будет представлять интегрированную систему правил, которые будут обладать следующими характеристиками: системность, технологичность, идеологичность и эффективность. Системность означает изначальное создание целостной, саморегулирующейся системы на основе каждой отрасли права. Например, экосистемы уголовного права с собственными правилами, элементами, отношениями, форматами и т. д. При этом уголовно-правовая экосистема выстраивает отношения с другими экосистемами конституционного, административного, гражданского и других отраслей права, через создание связей между элементами, обеспечивающими их целостность.

Технологичность права заключается в использовании свойств системности для создания инструментов по повышению эффективности достижения результата. Она может проявляться в двух направлениях: во-

первых, в поддержании системности и единообразия через технологию изменения российского законодательства. Изначально должна закладываться технология «законодательства в реальном времени», которая позволяет добиться соответствия норм реальному состоянию жизни общества, обеспечивая каскадное обновление всех взаимосвязанных элементов права. Внесение изменений должно происходить на основе концептуальности и системности. Формальными критериями качества выступают формализация изменений, сопровождение толкованием, положительная оценка ведущих экспертов в данной области и т. д. Во-вторых, технологизация предполагает доведение правового материала до информационной модели, позволяющей разрабатывать сервисы для эффективного применения права, помогающие решать проблемы и реализовывать функциональные особенности конкретной отрасли.

Такая возможность возникает при переходе права из состояния «информация — сведения» в состояние «данные — данные». Идеологичность права означает отражение в правовой материи собственных концептуальных основ, защищающих идеи российской государственности и национальной идентичности. Так, право должно защищать не вообще «демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления», где «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», которым в реальности может быть любое государство, а именно Российскую Федерацию, с ее цивилизационными особенностями и наиболее подходящими менталитету народа правовыми конструкциями. Нужно обладать смелостью для того, чтобы осуществить здоровую идеологизацию, включить в систему права ценностный компонент, при этом выстроив правильный баланс интересов трех взаимосвязанных элементов: общества, государства и личности. Идеологичность в праве означает осознание своих интересов, видение положительных / отрицательных сторон и защиту образа идеального мироустройства. Эффективность означает удовлетворение интересов общества и государства, выраженное в соотношении правовых инструментов с достигнутым результатом. Критерием эффективности является достижение целей и задач, поставленных как на уровне отрасли права, так и на уровне отдельных институтов. Для отслеживания эффективности правовых институтов важны развернутые статистические данные, получение которых возможно только при изменении работы системы органов государственной власти. Содержание статистических данных должно проектироваться под выполнение поставленных задач и отражать динамику изменений результативности деятельности.

Таким образом, в дальнейшем право будет представлять собой систему максимально интегрированных отраслей права, соединенных на уровне данных в информационную модель для достижения максимальной эффективности. Реализация четырех характеристик позволяет выстроить право прямого действия, сделать более контролируемым и ожидаемым результат от его применения.

Е. Е. Умнов

ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Выбор данной тематики обусловлен актуальностью, вызовами времени, вступлением России в XXI в. и дальнейшими перспективами. Актуальность темы исследования обуславливается еще и тем, что в последние годы термин «гражданское общество» начал получать законодательное закрепление (ст. 3 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»). Таким образом, исследование гражданского общества и его институтов приобретает не только чисто теоретическую, но и практическую значимость. Нельзя также забывать, что вопрос гражданского общества поднимается сегодня в высших эшелонах власти РФ (примером является обсуждение гражданского общества в Общественной Палате). Единственно правильный в современных условиях путь развития человечества — путь формирования гражданского общества и построение социально-правового государства. Ни один субъект права, в том числе и государство, не в состоянии свести многообразие человеческих интересов к какому-либо единому стандарту. Таким образом, одним из принципов конституционного строя, устанавливающих функционирование гражданского общества, является плюрализм.

Человечество выстрадало идею правовой государственности в многочисленных бедствиях, конфликтах, войнах и революциях. В развитых странах все большее число людей осознают спасительную миссию права, его неразрывную связь с самим человеком, значение действительно разумной правовой суверенной публичной власти. Социально-правовое государство — антипод государственного волюнтаризма и тоталитаризма, альтернатива любой диктатуре, гарантия благополучия граждан.

А. Г. Филимонов

ФЕДЕРАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Современное российское общество сталкивается со многими вызовами в разных сферах своего бытия, это касается и экономических, и социальных, и духовных проблем. В политической сфере, наряду с решением вопросов расширения демократических прав разных институтов общества, особенно острой является проблема перспектив развития федеративных отношений в России. Федеративное устройство государства закреплено в ст. 5 Конституции РФ как одна из основ конституционного строя России. Конституционный смысл понятия «федерализм» отражен в преамбуле Основного закона, а также в ст. ст. 1, 4, 5, 11, 65, 68 и др.

Чтобы сохранить единство государства, президент Б. Ельцин посредством федеративных отношений давал возможность национальным и региональным элитам обеспечить не только сохранение своей власти, но и контроль над собственностью. Асимметричность российского федерализма достигла своего пика в период 1994–1998 гг., когда широкое распространение получила практика подготовки и заключения особых соглашений с отдельными субъектами Федерации о разграничении полномочий и предметов ведения органов государственной власти. Практически шло перерождение конституционной федерации в договорную. В результате этого в 1998 г. из 89 субъектов Федерации 45 начали строить с центром особые отношения. Осознание наличия серьезных проблем в функционировании российского федерализма, влияющих на общую ситуацию в стране и вызывающих ослабление управления в политической и социально-экономической сферах, заставило Президента РФ В. В. Путина начать реформирование федеративных отношений. Прежде всего это касалось вопроса о договорах с отдельными субъектами Федерации. На первом этапе своего правления В. В. Путин проявлял в этом вопросе твердость и жесткость. В результате основная часть договоров между центром и субъектами, подписанных в годы президентства Б. Ельцина, была расторгнута, и конституционные принципы федерализма стали реализовываться в практике государственного управления.

В научном сообществе идет острая дискуссия относительно того, какая федерация построена в современной России. Одни исследователи федерализма в России считают, что построена унитарная федерация, другие — асимметричная, третьи утверждают, что Россия является унитарно-регионалистским государством, в котором федеративная риторика используется как инструмент для тактического политического ма-

невра [1, с. 7; 2, с. 21–25; 3, с. 4]. Как показывает история разных периодов Российского государства, в каких бы формах оно ни существовало, неизменным остается единственный принцип — концентрация власти и финансов в центре, помощь национальным регионам и отсутствие должного внимания к территориям, на которых компактно проживают этнические русские (великороссы). Россия как бы ходит по замкнутому кругу, и выйти из него не может уже несколько столетий.

Сегодня не замечать эти проблемы и не пытаться их решать — значит готовить Россию к будущим потрясениям, подобным тем, которые произошли в XX в. Чтобы этого не случилось, Российское государство должно последовательно реализовать принципы федерализма, зафиксированные в Конституции. Равноправие народов — один из важнейших принципов федеративного устройства нашего государства. Действительно, такое сложносоставное государство, как Российская Федерация, должно основываться на равноправии народов и отвергать абсолютный диктат центра. Любой абсолютный диктат центра, который учитывает только свои интересы, приводит к региональной деградации и к росту национализма, питающего не только национальные элиты, но и этнический национализм русских (великороссов). Поэтому пределы федерального вмешательства должны быть очень четко сформулированы и дополнены реально исполнимыми процедурами разрешения споров о компетенции. Нужен ли современному российскому федерализму сильный центр? Исторический опыт России показывает, что все центробежные процессы в нашей стране совпадали по времени с ослаблением центра. При этом сильный центр вовсе не означает центр подавления. По-настоящему сильный центр — это центр, умеющий поддерживать мир и благополучие на всей территории ненасильственным путем. России необходим бюджетный федерализм, предполагающий реальное участие регионов в составлении бюджета и определении доли их отчислений в центр. Регионы будут держаться только за такой центр, который не обескровливает их и не выкачивает все средства на содержание самого себя или на решение далеких от интересов региона задач. Государство, состоящее из регионов, стоящих перед центром с протянутой рукой, это крайне шаткое и трудно управляемое объединение.

Таким образом, у российского федерализма много проблем, и ему предстоит проделать большую работу, чтобы выйти на ту модель, которая обеспечит стабильное развитие государства.

Список литературы

1. Карнов В. Модель российского федерализма: современное состояние и перспективы развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. № 6.

2. Зуйков А. Ф. Размышления о российском федерализме // Государственная власть и местное самоуправление. 2008. № 12.

3. Лукьянова Е. А. «Золотая середина» российского централизма, или Еще раз об истоках федеративной природы России // Право: журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1.

Д. А. Шапорев

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ

Понятие конституционализма относительно ново для юридической науки в России. Оно исходит из определения конституционного строя, которое было введено в научный оборот лишь в конце 1980-х гг., а активно стало употребляться только с принятием Конституции РФ 1993 г.

Сторонники идей развития России на современных конституционных основах считают, что конституция, как и конституционное право в целом, должна выступать не в качестве орудия классовой борьбы и удержания политической власти одного социального класса над другим, а являться выражением социального компромисса между различными элитами и группами населения. Последователи данного направления выступают за правовое демократическое и социальное государство, разделение властей, развитие местного самоуправления, многопартийность и идеологическое многообразие, за общенародный, а не классовый характер государства, при котором государству отводится роль не орудия классовой борьбы, а своеобразного социального арбитра, использующего мирные средства разрешения социальных конфликтов, поиска компромисса и консенсуса.

Как известно, процесс развития конституционализма весьма противоречив и разнообразен. Конституционное строительство происходит под воздействием разнообразных факторов экономического, политического, социального характера, а также культурно-психологических особенностей и ценностных установок народа в конкретный исторический период. Не стоит забывать, что становление и развитие действительно конституционализма в России не связано исключительно с принятием новой Конституции в 1993 г. Этот процесс был начат еще во второй половине 1980-х гг., в рамках действующей на тот момент Конституции РСФСР 1978 г. На основе изменившейся Конституции начался переход от советского к новому политическому режиму.

1. Произошел переход от однопартийной системы и главенства одной идеологии к многопартийности и политическому плюрализму. Си-

стема полновластия советов была ликвидирована, и ей на смену пришла система разделения властей.

2. На конституционном уровне произошла легализация частной собственности и свободы предпринимательской деятельности.

3. Принципиально изменилась избирательная система, был учрежден пост Президента РФ, двухуровневый представительный и законодательный орган (Съезд народных депутатов РФ и постоянно действующий Верховный Совет РФ) и Конституционный Суд РФ.

4. 22 ноября 1991 г. принята Декларация прав и свобод человека и гражданина, инкорпорируемая затем в Конституцию.

5. 31 марта 1992 г. был заключен Федеративный договор, который стал рассматриваться в качестве составной части Конституции. Автономные республики и большинство автономных областей приобрели статус республик в составе Российской Федерации.

6. Значительно были расширены права местного самоуправления.

7. С распадом СССР в декабре 1991 г. из Конституции РФ были исключены нормы, ограничивающие государственный суверенитет России, и ее конституционное развитие стало проходить в условиях суверенного государства (Декларация о государственном суверенитете была принята Съездом народных депутатов РСФСР 12 июня 1989 г., но в ней предусматривалось развитие России в составе обновленного СССР). Поскольку противоречия в Конституции РСФСР 1978 г., несмотря на внесение в нее многочисленных поправок, сохранялись (прежде всего в нормах, регламентирующих систему государственной власти), вплотную встал вопрос о принятии новой Конституции. Главная роль действующей Конституции России состоит прежде всего в укреплении российской государственности. Конституция стала играть роль ключевого документа по отношению к Федеративному договору. Данное обстоятельство позволило действующему президенту в 2003 г. использовать сильные конституционные полномочия, задействуя политический и правовой ресурс прокуратуры и Конституционного Суда, способствовать тому, чтобы конституции и уставы субъектов Федерации были приведены в соответствие с Конституцией РФ. Представляется, что при сохранении сильной президентской власти в условиях стабильного политического пространства все же необходимо усиление роли парламента как органа народного представительства, Счетной палаты Российской Федерации и институтов гражданского общества (Общественной палаты РФ, политических партий и других общественных объединений). Полагаем, что эти меры будут способствовать повышению роли народа в политическом процессе страны, своевременному снятию социального напряжения между различными социальными группами населения.

А. А. Юрицин

РОЛЬ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РАСШИРЕНИИ ПРЕДЕЛОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Традиционные концепции правоотношений не отвечают реалиям современной правовой системы, что находит свое воплощение в игнорировании вопросов легализации общественных отношений, которые являются эмпирическим материалом для традиционного нормативного правового регулирования. На основе этого, с учетом социальной природы правоотношений, признавая интегративный тип понимания права в качестве теоретико-методологической основы, полагаем, что под правовыми отношениями необходимо понимать общественные отношения (действия субъектов), получившие правовую форму, т. е. регламентированные в источниках права — правоотношения с ретроспективным регулированием, а также отношения, обладающие правовой природой, т. е. непосредственно подробно не регламентированные правом, однако подлежащие юрисдикционной защите, — правоотношения с оперативным, перспективным регулированием.

Тем самым охватываются статический и динамический аспекты правовых отношений, где первый отражает уже закреплённые в источниках права модели поведения, а второй предполагает перманентное расширение сферы правового регулирования на отношения, нуждающиеся и восприимчивые для эффективного государственного обеспечения на основе общих принципов права. Данный подход позволяет понять, что даже искусственные для социума общественные отношения, например, процедурные, обладают не только социальным содержанием, так как все же состоят из действий людей, но и позволяют на их основе формировать новые правоотношения — главным образом за счет применения аналогий закона, что, например, свойственно процессуальному праву. В то же время необходимо понимать, что возможность приобретения общественными отношениями правовой защиты, как правило, относится к областям права, основанным на общедозволительном типе правового регулирования. С этих оснований дихотомия классических концепций к пониманию правоотношений является отражением исключительно тех из них, которые обладают ретроспективным правовым регулированием, они традиционно являются преобладающими, однако не исчерпывают собой феномен правоотношений.

Обозначенное регулирование особенно актуально для отраслей права, основанных на общедозволительном типе правового регулирования, характерной чертой которых является повсеместное наличие законных

интересов и свободы вступления в отношения, не регламентированные правом, как мер возможного поведения, не запрещенных законом и не нарушающих права других лиц. Нередко на квалификацию отношений в качестве правовых как раз влияют специальные нормы (принципы, цели, дефиниции), абстрактный характер которых позволяет оценивать отношения на их принадлежность к правовой сфере [1], что и требует сопоставления и изучения фактических и нормативно установленных признаков изучаемых феноменов на предмет установления их общей правовой природы.

Здесь нужно поставить закономерный вопрос о роли судебной власти в деле обеспечения расширения пределов правового регулирования и круга источников права. Согласно ст. 126 Конституции РФ, к полномочиям Верховного Суда РФ относится дача разъяснений по вопросам судебной практики. Это в полной мере наделяет данную судебную инстанцию правом издания правотворческих актов, фиксирующих выработанные правоприменительной практикой правила поведения сторон [2]. Можно привести примеры различных обзоров судебной практики [3], выводящих из конкретного спора и легализующих новые правила поведения, непосредственно не предусмотренные законом, на основе толкования его положений. В данную группу решений можно отнести и постановления пленумов высших судебных инстанций, обладающих большим уровнем абстракции и обезличенностью выводимых ими правил. При этом говорить о какой-либо второстепенной роли или невостребованности данных источников права не приходится. Обозначенные правоотношения, облеченные в правовую форму, нередко являются основой для изменения законодательства, что также меняет и правовую форму с точки зрения юридической техники и иерархии данной модели поведения в системе источников права.

Список литературы

1. Малюгин С. В. Категория «правовая природа»: понятие, детерминанты, основные характеристики и подходы к определению // Рос. юридический журнал. 2016. № 3.
2. Иванов Р. Л. Судебное правотворчество в Российской Федерации и источники российского права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 4.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 февраля 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

А. Н. Язов

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТЕОРИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ВЗГЛЯД РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ЮРИСТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Современная юридическая наука справедливо признает местное самоуправление одной из форм реализации народного суверенитета. Несмотря на очевидную значимость данного института, в науке до настоящего времени не выработано единой и общепризнанной правовой теории местного самоуправления.

Теоретическое осмысление данной проблемы в середине XIX в. получило распространение в трудах отечественных либеральных правоведов А. Д. Градовского, М. М. Ковалевского, Ф. Ф. Кокошкина, Н. М. Коркунова, Н. И. Лазаревского, Б. Н. Чичерина и др.

Для данного периода характерна разработка нескольких теорий местного самоуправления, в частности теории свободной общины; общественной и государственной теории. В российской либеральной юридической литературе получила поддержку государственная теория местного самоуправления, предложенная немецкими учеными Л. Штейном и Р. Гнейстом. Сущность этой теории состояла в том, что органы местного самоуправления являются, по существу, органами государственного управления, что их компетенция не является какой-либо особенной и самобытной, а создается и регулируется государством.

Характеризуя общественные интересы, входящие в предмет ведения органов местного самоуправления, правоведы указывали на сложность их отграничения от государственных дел. Близкими к местным интересам можно назвать такие общегосударственные интересы, как общие финансы и безопасность, общее материальное и духовное благосостояние народа. Так, Б. Н. Чичерин писал, что благосостояние жителей во всех местностях составляет общий интерес государства, но полномочиями по его поддержанию целесообразно наделить органы самоуправления, которым близки местные проблемы [1]. Подобное сходство органов местного самоуправления с органами центрального управления требовало определения признаков, их отличающих.

В политической плоскости рассматривал данный вопрос Н. И. Лазаревский. Правовед бесплатность должностей связывал с тем, что они могут быть занимаемы только наиболее богатыми людьми, обладающими интересами, отличными от большинства населения. В свою очередь,

Б. Н. Чичерин указывал, что назначение правительством на безвозмездные должности возможно только при аристократическом строе, тогда как развитие демократии и приобщение к местному управлению демократических элементов приводит к усилению выборного начала [1]. Как отмечал профессор Н. И. Лазаревский, выборный порядок замещения должностей местного самоуправления ставит местные учреждения вне иерархической зависимости от центральных органов власти и приводит к тому, что личный состав первых не является профессиональным чиновничеством [2].

Условия замещения должностей местного самоуправления посредством выборов в отечественной научной литературе не указывались. Однако, исходя из учений отечественных правоведов об избирательном праве, можно предположить, что: процедура избрания должностных лиц местного самоуправления должна представлять всеобщее, прямое, равное и тайное голосование; должностные лица должны избираться на относительно непродолжительный срок (3–5 лет). Однако, признавая преимущество выборного порядка замещения должностей местного управления, отечественные юристы не считали его достаточным обоснованием независимости муниципальной власти. Сторонники государственной теории местного самоуправления подчеркивали, что вопросы местного самоуправления неразрывно связаны с вопросами государственного управления.

Юридическая природа местного самоуправления в либеральной правовой мысли второй половины XIX — начала XX вв. строилась на идее независимости его органов. Специфика местного самоуправления заключается в его двойственной природе: с одной стороны, самоуправление интегрировано в единую систему управления государством, с другой стороны, местное самоуправление является важным элементом гражданского общества. В нем заложена органическая взаимосвязь общности субъекта волеизъявления и его публичных интересов, что связывает местное самоуправление с идеей народного суверенитета.

Список литературы

1. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1894. Ч. 1.
2. Лазаревский Н. И. Самоуправление // Мелкая земская единица : сб. статей. СПб., 1903.

РАЗДЕЛ II. ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ИХ ОБЕСПЕЧЕНИЮ

И. Н. Ахметова

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Закрепленное в ст. 34 Конституции РФ право на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность лежит в основе современной российской экономики. Вместе с тем негативные явления, связанные с экономическим кризисом, оказали сильное воздействие на предпринимательство. Несовершенство судебной системы, неопределенность экономической политики, рост процентных ставок остаются болезненными для бизнеса факторами. С 1 января 2016 г. введен запрет на плановые проверки в отношении предпринимателей, отнесенных к субъектам малого бизнеса. В то же время указанный запрет не касается внеплановых проверок. Предметом внеплановой проверки является соблюдение предпринимателями, отнесенными к субъектам малого бизнеса, законодательно установленных требований, выполнение предписаний контролирующих органов, а также проведение необходимых мероприятий по предотвращению причинения вреда жизни и здоровью граждан, обеспечению безопасности государства, предупреждению возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, ликвидации последствий причинения такого вреда. При поступлении в контрольно-надзорные органы информации об указанных фактах проводится внеплановая выездная проверка, которая согласовывается с органами прокуратуры.

Если основанием для проведения внеплановой проверки является нарушение прав потребителей (в случае обращения граждан, права которых нарушены), проведение внеплановой выездной провер-

ки по указанному основанию не требует согласования с органом прокуратуры. Данное основание является общим для всех органов, уполномоченных на осуществление контроля, вне зависимости от предмета контрольно-надзорной деятельности. В настоящий момент имеет место подмена контролирующими органами внеплановых проверок такими процедурами, как административное расследование. Законодательно не закреплено возможное число внеплановых проверок в отношении одной компании.

Предлагаемые государством меры в отношении субъектов предпринимательской деятельности должны нести системный характер, которые позволят объединить действия органов публичной власти, представителей бизнеса и создать благоприятные и комфортные условия для реализации конституционного права на предпринимательскую деятельность в Российской Федерации.

Н. Д. Вершило, Т. А. Вершило

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Одним из конституционных прав является право каждого на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии. Экологические проблемы в России на фоне общего экономического, политического и духовного кризиса приводят к значительному снижению качества жизни, ухудшению здоровья населения. Согласно официальным данным, в 136 городах (55% городского населения) уровень загрязнения атмосферного воздуха характеризуется как высокий или очень высокий, около 15% территории России по экологическим показателям находятся в критическом состоянии.

Следовательно, обеспечение благоприятных условий для жизни и деятельности человека на определенном этапе развития общества и государства является жизненно важной, насущной необходимостью в интересах не только настоящего, но и будущих поколений. И поэтому охрана окружающей среды для государства становится универсальной целью в силу ряда объективных причин, которые складываются из отношений взаимодействия природы и общества.

Отнесение охраны окружающей среды к числу основных государственных целей можно объяснить следующими обстоятельствами: во-первых, современный экологический кризис ставит под угрозу возможность устойчивого развития человеческой цивилизации [1, с. 3].

Во-вторых, деградация природных систем ведет к дестабилизации биосферы, утрате ее целостности и способности поддерживать качества окружающей среды, необходимые для жизни. Поэтому создание благоприятных условий для проживания должно стать обязанностью государства. Одним из методов обеспечения охраны окружающей среды выступает административно-правовое регулирование экологических отношений. Достигнуть намеченных результатов, как верно отмечает в своей работе Е. В. Скоморохина, можно при совершенствовании системы государственного управления природопользованием. Органы публичной власти в своей деятельности выступают от имени государства или его части (субъекта Федерации). Публично-властный характер деятельности этих органов позволяет им использовать принуждение как один из способов реализации их полномочий [2, с. 4].

Как показывает практика, применение только принудительных мер не способствует достижению цели, особенно в природоохранительной деятельности. Как правило, цель может быть достигнута в том случае, когда она основывается на заинтересованности лиц, осуществляющих природопользование в охране окружающей среды, не только в своих интересах, но и с учетом интересов их детей, внуков. Для этого необходимо повышение экологического правосознания, в том числе посредством административно-правового метода регулирования отношений. Данный метод может иметь различные формы своего выражения: убеждение и принуждение; установление прямых и косвенных запретов, ограничений, обязанностей; применение мер административной ответственности за экологические правонарушения.

Административно-правовое обеспечение охраны окружающей среды возможно только при эффективном государственном и муниципальном управлении в данной сфере посредством целенаправленной, скоординированной деятельности в политической, экономической, социальной и других сферах. Однако это затруднено отсутствием единого организационного центра управления охраной окружающей среды в нашей стране. Необходимо создание федерального органа исполнительной власти, обладающего объективной возможностью обеспечить оптимальную координацию в системе государственного и муниципального управления охраной окружающей среды. Следует согласиться с мнением М. А. Бучаковой, которая предлагает создать Министерство охраны окружающей среды, в структуру которого могли бы входить Федеральная служба по надзору в сфере природопользования, Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору, Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружаю-

щей среды, Федеральное агентство по особо охраняемым природным территориям [3, с. 13].

Список литературы

1. *Вершило Н. Д.* Эколого-правовые основы устойчивого развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.
2. *Скоморохина Е. В.* Административно-правовое обеспечение защиты окружающей среды : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002.
3. *Бучакова М. А.* Координация в системе государственного и муниципального управления охраной окружающей среды Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.

А. А. Гайдуков

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПОЛИЦИЕЙ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ

Защита семьи от правонарушений является неотъемлемой обязанностью государства и общества. Тем не менее, в современном российском социуме наблюдается неблагоприятная тенденция, вызванная значительным числом правонарушений в семейно-бытовой сфере, которые оказывают мощное деструктивное воздействие на демографическую ситуацию в стране. В создавшихся условиях приобретает особую актуальность проблема эффективного противодействия данным антисоциальным явлениям административно-правовыми средствами. Только единая, скоординированная деятельность всех служб и подразделений полиции, во взаимодействии с иными государственными органами, органами местного самоуправления, различными институтами гражданского общества и гражданами может обеспечить эффективное противодействие правонарушениям в семейно-бытовой сфере. Необходимые координационные отношения направлены на согласование действий органов публичной власти, сопоставление целей и задач, ресурсов, форм и методов деятельности для достижения общих результатов [1, с. 16]. Административно-правовая деятельность полиции в рассматриваемой сфере осуществляется по нескольким направлениям. Во-первых, это выявление причин, условий и обстоятельств их совершения лицами, состоящими в семейно-бытовых отношениях. Во-вторых, принятие в пределах своих полномочий мер по их устранению. В-третьих, осуществление индивидуальной профи-

лактической работы с лицами, совершившими правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений. В-четвертых, разъяснительная и психологическая работа, направленная на коррекцию виктимного поведения лиц, состоящих с правонарушителем в семейно-бытовых отношениях.

Применение полицией административно-правовых мер предупреждения в рассматриваемой сфере общественных отношений обусловлено их универсальностью, многоцелевой направленностью, возможностью воздействия на причины и условия, способствующие его совершению, а также на сознание и поведение лиц, действия которых нарушают социальные нормы и право граждан на личную безопасность в семье, путем убеждения и (или) принуждения. Универсальность административно-правовых мер предупреждения заключается в применении их всеми сотрудниками полиции независимо от занимаемой должности. Важной особенностью применения полицией мер предупреждения является их применение как до совершения правонарушения, так и после его совершения, специальные меры предупреждения продолжительного действия проводятся до прекращения противоправного поведения. Многоцелевая направленность административно-правовых мер предупреждения указывает на их превентивный характер, способствующий предотвращению противоправного поведения. В процессе предупреждения правонарушений в семейно-бытовой сфере достигается необходимый «баланс между социальной и правоохранительной функциями полиции» [2, с. 8].

Таким образом, предупреждение правонарушений в семейно-бытовой сфере выступает в качестве одной из основных частей общей многоуровневой системы профилактики правонарушений.

Список литературы

1. Бучакова М. А. Административно-правовое регулирование координации как функции государственного управления // Административное право и процесс. 2014. № 11.
2. *Административная деятельность полиции. Часть Особенная* : учебное пособие / под ред. проф. О. И. Бекетова. Омск, 2016.

Т. Ю. Герасименко

РЕШЕНИЯ ЕСПЧ И ОСОБЕННОСТИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В РФ

Общеизвестно, что Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) является международным судебным органом по рассмотрению

жалоб на нарушение прав человека. ЕСПЧ выносит постановления в отношении жалоб, поданных как физическими лицами, так и государствами о нарушении Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция).

ЕСПЧ выносит три основных вида решений:

- решение о неприемлемости, оформленное в виде письма, адресованного заявителю;

- решение о неприемлемости или приемлемости жалобы в виде отдельного мотивированного документа, в переводе на русский именуемого собственно «решением» (decision);

- окончательное решение по делу, в переводе на русский именуемое постановлением (judgment). **Причем надо отметить, что только в этом документе ЕСПЧ может признать нарушение прав человека.**

Важно также понимать, что ЕСПЧ, при всех своих полномочиях, не обладает компетенцией отменять национальные нормы права или же аннулировать решение внутригосударственного судебного органа. Следовательно, стоит отдельно подчеркнуть тот факт, что ЕСПЧ не является так называемой наднациональной судебной инстанцией. ЕСПЧ имеет право обязать государство-ответчика выплатить компенсацию за причиненный ущерб и только лишь декларировать, что тот или иной национальный акт принят в нарушение Конвенции. Ни в коей мере не следует рассматривать решение ЕСПЧ как кассационное постановление, которое непосредственно отменяет оспариваемую норму государства-ответчика.

Решения ЕСПЧ обязательны для Российской Федерации и выступают в качестве фактора развития ее законодательства и согласования его с положениями Конвенции. В соответствии со ст. 46 Конвенции государства-участники обязуются исполнять окончательные решения ЕСПЧ, вынесенные по спорам, в которых они являются сторонами. Под исполнением решений ЕСПЧ стоит понимать не только фактическое их исполнение в части выплаты денежной компенсации, но также и устранение нарушений норм Конвенции, зафиксированных в решениях ЕСПЧ. Данная необходимость в полной мере обусловлена тем, что нарушения Конвенции налагают на государства-участников не только обязательства по исполнению конкретного решения ЕСПЧ (п. 1 ст. 46), но также и обязательства «положить конец нарушению и устранить его последствия с целью восстановления, насколько это возможно, ситуации, существовавшей до нарушения» [1]. На практике же подобная формулировка означает, что помимо выплаты денежной компенсации, назначенной ЕСПЧ, государство-ответчик должно принять определенные меры индиви-

дуального характера. Кроме того, государства-участники Конвенции также обязаны принять меры по предупреждению новых возможных нарушений Конвенции, подобных и идентичных тем, которые были обнаружены в результате рассмотрения ЕСПЧ конкретной жалобы. Подобные меры называются мерами общего характера.

Исполнение решений ЕСПЧ связано с реализацией как резолютивной, так и мотивировочной части решения. Непосредственно резолютивная часть обязательна только лишь для государства-ответчика, поскольку именно в ней содержится положение о выплате самой компенсации как таковой. В мотивировочной же части решения ЕСПЧ содержится сама правовая позиция, в которой указывается, что конкретно явилось нарушением норм Конвенции. Именно мотивировочная часть решений ЕСПЧ носит нормативный характер для всех государств Совета Европы.

Исполнение решений ЕСПЧ в части мер индивидуального характера, разумеется, предполагает обращение непосредственно к национальным правовым механизмам, при помощи которых целесообразно восстановить права, нарушение которых зафиксировал ЕСПЧ. Меры индивидуального характера преследуют цель максимального достижения *restitutio in integrum*, т. е. восстановления ситуации, которая имела место до нарушения Конвенции. Если обратиться предметно к национальному законодательству, то можно сделать логичный вывод о том, что в Российской Федерации формально отсутствуют юридические препятствия для исполнения решений ЕСПЧ, связанные с реализацией мер индивидуального характера. Действующее законодательство Российской Федерации содержит нормы, позволяющие принимать подобные меры. Например, ст. 311 АПК РФ, ст. 413 УПК РФ и ст. 392 ГПК РФ предусматривают пересмотр решений, уже вступивших в законную силу, если ЕСПЧ установит наличие нарушений норм Конвенции.

Нельзя не упомянуть о знаковом по важности постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 1-П, в котором говорится, что решения ЕСПЧ подлежат исполнению только с учетом признания верховенства Конституции РФ [2]. В нем Конституционный Суд РФ определил, что участие Российской Федерации в международном договоре, коим является Конвенция, вовсе не означает отказа от государственного суверенитета. Тем самым за Конституцией РФ при соответствующих обстоятельствах признана высшая юридическая сила. Конституционный Суд РФ подтвердил юрисдикцию ЕСПЧ, но ограничил исполнение его решений верховенством Конституции РФ. Говоря иначе, противоречащие Конституции РФ постановления ЕСПЧ могут не выполняться.

Можно предположить, что принятое Конституционным Судом РФ решение в дальнейшем окажет многоплановое и не всегда однозначное влияние на отечественную правоприменительную практику. В любом случае доминантой должно стать положение о том, что правовые гарантии, предусмотренные Конвенцией, имеют особое правовое и социальное значение, пренебрегать которыми крайне неразумно и неоправданно.

Список литературы

1. *Папамихалопулос и другие* (Paramichalopoulos and others) против Греции (жалоба № 14556/89) : постановление Европейского суда по правам человека от 31 октября 1995 г. // Европейский суд по правам человека. Избранные решения: в 2 т. М., 2000. Т. 1.
2. *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2015. № 30, ст. 4658.

И. В. Глазунова

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ НАЛОГОВЫХ РЕЖИМОВ И РЕАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН

Состояние и темпы развития отечественного малого бизнеса, решение вопросов улучшения жизни населения, развития социальной сферы и экономики во многом зависят от действующей системы налогообложения. В Российской Федерации наряду с обычным порядком налогообложения налоговым законодательством предусмотрены также и специальные меры налогового регулирования, предусматривающие собой особый порядок исчисления и уплаты налогов — специальные налоговые режимы. Экономическая сущность их наиболее полно проявляется как система мер налогового регулирования, поскольку главной причиной их появления в российской налоговой системе стала необходимость достижения более высокого фискального и регулирующего эффекта налогообложения в сферах малого предпринимательства. Специалисты выделяют, как правило, две цели использования специальных налоговых режимов в налоговых системах: финансовую — направленную на реализацию принципа всеобщности налогообложения, и организационную — заключающуюся в упрощении налогового администрирования. Негативные последствия применения специальных налоговых режимов, как правило, сводятся к результатам их использования в целях уклонения от уплаты налогов с крупного бизнеса (разукрупнение орга-

низаций), а также к отсутствию эффективной системы налогового контроля в данной сфере.

В соответствии с Бюджетным кодексом РФ доходы от налогов, предусмотренных специальными налоговыми режимами, поступают в низовые уровни бюджетной системы: налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения, — в региональные бюджеты; единого налога на вмененный доход; налога, взимаемого в связи с применением патентной системы налогообложения, и единого сельскохозяйственного налога — в бюджеты поселений, городских округов и муниципальных районов. При этом специальные налоговые режимы, зачисляемые в местные бюджеты, являются по сути единственными налоговыми доходами, которые наряду с местными налогами на 100% поступают в казну муниципальных образований (единый сельскохозяйственный налог поровну распределяется между бюджетами муниципальных районов и поселений). Объемы поступлений налогов от специальных налоговых режимов, в отличие от имущественных налогов, напрямую связаны с уровнем развития малого и среднего бизнеса на муниципальных территориях, и, повторим, других существенных налоговых доходов, на формирование которых местные власти могут влиять непосредственно через политику по формированию комфортной предпринимательской среды, в арсенале муниципалитетов нет. Так, по итогам исполнения консолидированного бюджета Российской Федерации в 2016 г. доля специальных налоговых режимов, поступающих в соответствующие бюджеты, составила в отношении к объему:

- налоговых доходов субъектов Федерации — 3,5%;
- доходов от региональных налогов — 27,7%;
- налоговых доходов местных бюджетов — 11,27%;
- доходов от местных налогов — 74,7%.

Поступления в бюджетную систему России по двум основным налогам — взимаемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения и единому налогу на вмененный доход — показывают стабильную положительную динамику: с 2009 по 2016 гг. доходы от каждого из них выросли на 21%. Что касается бюджетных перспектив нового налога, взимаемого в связи с применением патентной системы налогообложения, то здесь красноречивы показатели его поступлений в первом полугодии 2016 г. в Омской области: в бюджеты городских округов (попросту говоря — г. Омска) собрано 8,9 млн руб., в бюджеты муниципальных районов — 139 тыс. руб., что не идет в сравнение с цифрами по единому налогу на вмененный доход за тот же период — почти 800 млн руб. На патентную систему налогообложения в 2013–2016 гг. в Омске перешло

около 200 предпринимателей — на фоне более 26 тысяч предпринимателей (57% от общего числа) и более 4 тысяч организаций (8,7% от общего числа зарегистрированных), использующих систему налогообложения в виде единого налога на вмененный доход.

Таким образом, рассматривая последствия проводимой реформы специальных налоговых режимов для местных бюджетов, можно сделать следующие выводы:

1) налоги, относящиеся к специальным налоговым режимам, сегодня составляют заметную долю налоговых доходов местных бюджетов (в бюджете г. Омска на 2016 г. — 13,7%) и имеют перспективу дальнейшего роста; единый налог на вмененный доход является вторым по объему поступлений в местные бюджеты налогом из зачисляемых по нормативу 100%, после земельного налога;

2) поступления от специальных налоговых режимов напрямую зависят от состояния малого предпринимательства в муниципальных образованиях, а потому являются важным инструментом стимулирования местных властей к принятию мер по расширению этого сегмента бизнеса, повышают их заинтересованность в развитии муниципальной экономики;

3) налог, взимаемый в связи с применением патентной системы налогообложения, не имеет достаточного потенциала для адекватного замещения поступлений от единого налога на вмененный доход;

4) реформа специальных налоговых режимов в существующем виде ухудшает финансовое состояние муниципальных образований, а также негативно сказывается на региональных бюджетах, вынужденных компенсировать выпадающие доходы местных бюджетов за счет трансфертов и перераспределения иных налогов.

Указанные законодательные изменения вкупе со снижением нормативов зачисления и дополнительных нормативов отчислений в местные бюджеты от налога на доходы физических лиц, а также повсеместным пересмотром кадастровой стоимости земельных участков зажимают в «финансовые тиски» даже самые устойчивые муниципальные образования, никак не сочетаются с концепцией налоговой децентрализации, направленной на повышение бюджетной самостоятельности муниципалитетов [1].

Список литературы

1. Буров В. Ю. Уклонение от уплаты налогов субъектами малого предпринимательства как форма проявления теневых экономических отношений // Налоги и финансовое право. 2012. № 9.

Т. В. Голованова

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОХРАНУ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Осуществление охраны общественного порядка отнесено Конституцией РФ к вопросам местного значения, которые обеспечиваются органами местного самоуправления самостоятельно. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» для реализации данного конституционного права предлагает создание специального правоохранительного органа — муниципальной милиции. При этом компетенция муниципальной милиции, правовой статус ее служащих должны регулироваться федеральным законом. Такой закон неоднократно вносился на обсуждение в Государственную Думу РФ, но так и остался в разряде проектов. Попытаемся оценить возможность реализации функций по охране общественного порядка органами местного самоуправления в условиях отсутствия специального правового акта, регламентирующего деятельность особого правоохранительного органа. В двух городах России в настоящее время создана муниципальная милиция: в Ижевске и Златоусте [1]. Усилия этих экспериментальных подразделений муниципальной милиции сконцентрированы на привлечении правонарушителей к административной ответственности в рамках регионального законодательства. Милиционеры уполномочены составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных в законах об административной ответственности субъекта РФ, касающихся, по большей части, вопросов благоустройства муниципалитета.

Анализ результатов работы и организации деятельности данных подразделений показал, что главы администраций при создании муниципальной милиции ориентированы скорее на краткосрочные экономические выгоды, увеличение количества составленных протоколов об административном правонарушении и общей суммы взысканных административных штрафов, чем на улучшение состояния правопорядка в целом.

Ряд ученых по-прежнему возлагают большие надежды на муниципальную милицию, некоторый аналог полиции, включающую различные службы по охране общественного порядка. При этом сотрудники милиции, по их мнению, должны обладать властными полномочиями по отношению к населению. Создание такого органа правопо-

рядка повсеместно необходимо, полагают авторы, это «сделает местное самоуправление в России полнокровным, повысит личную и имущественную безопасность граждан» [2, с. 58–63]. Другие авторы высказывают противоположную точку зрения, согласно которой муниципальная милиция не нужна, а охрану общественного порядка на местном уровне можно обеспечить иными субъектами правопорядка [3].

Учредить муниципальную милицию, как предложено в последнем проекте Федерального закона «О муниципальной милиции», передав ряд подразделений МВД России (дежурные части, патрульно-постовую службу, службу участковых уполномоченных полиции и подразделений по делам несовершеннолетних и др.) в подчинение органам местного самоуправления, на наш взгляд, нецелесообразно прежде всего из-за возникшей в этом случае финансовой нагрузки, с которой не справятся муниципальные бюджеты.

Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» ввел возможность для органов местного самоуправления осуществлять функции по охране общественного порядка без муниципальной милиции, посредством создания народных дружин [4]. Такое привлечение населения к охране общественного порядка выступает альтернативным вариантом к решению вопросов охраны общественного порядка в рамках муниципально-общественного формирования по охране общественного порядка. С одной стороны, это участие граждан в охране общественного порядка, с другой — реализация органами местного самоуправления правоохранительной функции, закрепленной Конституцией РФ.

Список литературы

1. Зайнуллин Е. Златоуст перенял идею Ижевска о муниципальной милиции // Комсомольская правда. 2014. 4 февр.
2. Упоров И. В. Охрана общественного порядка как функция местного самоуправления: организационно-правовые и финансовые проблемы // Аллея науки. 2017. Т. 1. № 12.
3. Казанник А. И. Муниципальная полиция в системе органов местного самоуправления России // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 6.
4. Административная деятельность полиции. Часть Особенная : учеб. пособие / под ред. проф. О. И. Бекетова. Омск, 2016.

О. А. Дизер, А. В. Кузнецов

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЛЕНОВ КАЗАЧЬИХ ОБЩЕСТВ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Ситуация с дорожно-транспортным травматизмом остается одной из самых сложных проблем, существующих в настоящее время в Российской Федерации. Несмотря на принимаемые меры со стороны ГИБДД МВД России, других служб и подразделений ведомств, входящих в государственную систему профилактики, проблема аварийности, травматизма на дорогах не теряет своей актуальности. По нашему мнению, добиться эффективных результатов в рассматриваемой сфере можно только путем комплексного подхода. Одним из его аспектов является привлечение членов казачьих обществ к деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения.

В соответствии со ст. 5 Федерального закона от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» казачество в установленном порядке осуществляет деятельность на основе договоров (соглашений) казачьих обществ с федеральными органами исполнительной власти и (или) их территориальными органами, органами исполнительной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления муниципальных образований в соответствии с законодательством РФ.

Положением о порядке привлечения членов казачьих обществ к несению государственной или иной службы и порядке заключения федеральными органами исполнительной власти и (или) их территориальными органами договоров (соглашений) с казачьими обществами, утвержденным постановлением Правительства РФ от 8 октября 2009 г. № 806 предусмотрено, что к несению службы привлекаются принявшие в установленном порядке обязательства по несению службы члены казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации. Оказание членами казачьего общества содействия федеральным органам исполнительной власти и (или) их территориальным органам в реализации установленных задач и функций осуществляется на основании договоров (соглашений).

Уставом отдельского казачьего общества Сибирского войскового казачьего общества, утвержденного указом Губернатора Омской области от 17 августа 2012 г. № 82 «Об утверждении Устава Омского отдельского казачьего общества Сибирского войскового казачьего общества», предусматривается, что одной из целей деятельности общества является уча-

ствие в проведении мероприятий по обеспечению безопасности дорожного движения. Для реализации уставной деятельности между Омским отдельским казачьим обществом Сибирского войскового казачьего общества и Управлением МВД России по Омской области заключено Соглашение о взаимодействии от 29 января 2013 г. № 4-с/1-с, которым предусматривается оказание содействия сотрудникам полиции в проведении мероприятий, направленных на обеспечение безопасности дорожного движения. Для реализации Соглашения с УМВД России по Омской области на основании заявки отдельского казачьего общества передаются по договору безвозмездного пользования передвижные комплексы фотовидеофиксации нарушений Правил дорожного движения, находящиеся в собственности субъекта Российской Федерации [1]. Представляется, что привлечение членов казачьих обществ к деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения является формой реализации одного из основополагающих принципов о взаимодействии федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, других государственных органов с общественными объединениями и гражданами в целях обеспечения безопасности.

Список литературы

1. *Административная деятельность полиции. Часть Особенная* : учеб. пособие / под ред. проф. О. И. Бекетова. Омск, 2016.

Е. С. Зайцева

ПРЕДЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ДУХОВНОЙ СФЕРЕ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Пределы правового регулирования определяются как обусловленные различными факторами границы, в рамках которых осуществляется или может осуществляться правовое регулирование общественных отношений [1, с. 229].

Сфера правового регулирования обусловлена свойствами общественных отношений, имеющих правовую природу. Эти свойства и являются критериями пределов правового регулирования. Что касается самих свойств, то при наличии некоторой общности в их определении мнения ученых разнятся [2, с. 53; 3, с. 19]. Понятие «сфера правового регулирования» необходимо отличать от понятия «предмет правового регулирования», которое следует использовать для характеристики отношений, уже подвергнутых правовой регламентации.

Таким образом, пределы сферы правового регулирования определяют границы, в рамках которых должно осуществляться правовое регулирование общественных отношений. В свою очередь, субъекты правотворчества, определяя фактическую, реально существующую обеспеченную государством область правового регулирования, могут с большей или меньшей степенью точности эту границу установить. Определение этой границы зависит от действия различных факторов субъективного характера, таких, как политико-правовой и культурно-образовательный. Политико-правовой фактор включает те политические явления, процессы, факты различного уровня, которые могут внести коррективы в развитие правовой системы страны [4, с. 143], в том числе и правотворческую деятельность. Политико-правовой фактор определяет степень заинтересованности субъектов правотворчества осуществлять правовое регулирование в соответствии с пределами сферы правового регулирования. Культурно-образовательный фактор определяется уровнем познания пределов сферы правового регулирования.

Возможности влияния факторов субъективного характера при установлении пределов предмета правового регулирования находятся в тесной взаимосвязи с объективными факторами, в качестве которых выступают свойства общественных отношений, имеющих правовую природу. Широкие возможности влияния субъективных факторов ярко проявляются в сфере духовных отношений. При этом возможность вмешательства непропорциональна существующей потребности. А неточность в установлении пределов сферы правового регулирования в этой ситуации, как правило, проявляется только на уровне реализации правовых норм, когда становится очевидной их неэффективность.

Примером вмешательства правового регулирования в духовную сферу жизни общества, обусловленного субъективными факторами, при отсутствии объективной потребности регулирования данной сферы общественных отношений является законопроект ФЗ «О патриотическом воспитании в Российской Федерации», внесенный в Государственную Думу РФ 15 ноября 2017 г. В пояснительной записке к законопроекту говорится, что в настоящее время отсутствует правовое регулирование общественных отношений в сфере патриотического и духовно-нравственного воспитания. По мнению создателей законопроекта, отсутствие подобного закона свидетельствует о пробеле в системе законодательства.

Патриотизм в законопроекте определяется как нравственный принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к России, своему народу, осознание неразрывности с ними, стремление и готовность своими действиями служить их интересам, подчинить им свои част-

ные интересы, проявлять верность долгу в защите Отечества. В свою очередь, патриотическое воспитание — это деятельность, направленная на воспитание чувства. При этом забывается, что право оказывает воздействие на внешнее поведение людей, и воспитать чувство патриотизма с помощью правовых средств вряд ли возможно. Игнорируется и то, что одним из важных свойств общественных отношений, имеющих правовую природу, является возможность осуществлять контроль над ними. Отсутствие потребности правового регулирования патриотического воспитания очевидно при анализе текста законопроекта, более половины статей которого не содержит правил поведения, а закрепляет принципы, цель, задачи, основные направления государственной политики в сфере образования и т. д. С учетом того, что в 2015 г. Правительство РФ утвердило государственную программу «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы», потребность в законодательном регулировании указанных отношений еще в большей степени вызывает вопросы.

Таким образом, существенное влияние субъективных факторов при установлении пределов правового регулирования в духовной сфере жизни общества приводит к попыткам регулирования отношений, находящихся за пределами сферы правового регулирования. В результате появляются законы, напоминающие программные документы, эффективность которых заведомо очень низка.

Список литературы

1. Пьянов Н. А. Актуальные проблемы теории государства и права: учебное пособие. Иркутск, 2007.
2. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1996.
3. Сильченко Н. В. Границы деятельности законодателя // Гос-во и право. 1991. № 8.
4. Трофимов В. В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект. Саратов, 2009.

М. А. Засыпкин

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

Понятие механизма обеспечения прав и свобод личности не получило широкого распространения в научной литературе, так как является сложным

системным образованием, включающим в себя элементы как социального, правового, так и политического, в том числе государственного характера.

В качестве системообразующих элементов механизма, в частности, выступают правовая культура и правовое сознание, которые позволяют рассматривать обеспечение прав и свобод личности как единый целостный процесс.

Правовая культура как отдельной личности, так и общества в целом, является и результатом их развития, и способом деятельности государства, его органов и должностных лиц, а применительно к личности представляет образ мышления, стандарты и нормы поведения. Мировоззренческие позиции, ценностные ориентиры личности, в том числе и сотрудника органов внутренних дел, формируются и развиваются в условиях правовой действительности. Сотрудники органов внутренних дел осуществляют свою профессиональную юридическую деятельность в сфере охраны, защиты прав и свобод, создании условий, способствующих гражданам воплощать свои права и свободы в действительность. В результате прошедшей «реформы» системы органов внутренних дел предъявляются повышенные требования к подготовке сотрудников органов внутренних дел и к результатам их деятельности. На современном этапе развития общества и государства сотрудники органов внутренних дел оказываются в разноплановых ситуациях, в которых они должны достигать гуманных целей только гуманными средствами. Предполагается, что сотрудник органов внутренних дел должен не только знать, но и понимать правовые предписания, строго их соблюдать в процессе своей профессиональной деятельности, иметь в этом внутреннюю потребность и быть убежденным в необходимости своего труда.

Правовые аспекты деятельности сотрудника органов внутренних дел должны соотноситься с моральными требованиями, ожиданием общества от сотрудника действий решительных, обоснованных с правовой точки зрения необходимостью активной защиты чести и достоинства каждого гражданина. Статья 5 Федерального закона «О полиции» в качестве важнейшего закрепляет принцип соблюдения уважения прав и свобод человека и гражданина. Данную правовую норму можно охарактеризовать как правовую установку по формированию у сотрудника органов внутренних дел ориентированности на уважение чести, достоинства личности, признание и соблюдение прав и свобод человека и гражданина, что и является одной из значимых черт правовой культуры сотрудника. Однако органы внутренних дел являются частью общества, поэтому действующие и будущие сотрудники органов внутренних дел испытывают на себе влияние объективной реальности.

К сожалению, приходится констатировать тот факт, что в обществе на настоящем этапе нарастает конфликтность и нетерпимость, продолжа-

ет снижаться уровень жизни широких слоев населения, что является следствием роста безработицы, падения уровня доходов. Подрыву духовно-нравственных основ общества способствует бедственное положение культуры, образования, литературы, искусства, которые должны быть приоритетными для Российского государства. Следует отметить тот факт, что сотрудники органов внутренних дел больше всех испытывают на себе влияние криминализации общества, так как тесно соприкасаются с преступностью.

Указанные выше факторы оказывают негативное влияние на общественную нравственность, в том числе и на личность сотрудника. Приходится констатировать, что в органах внутренних дел образовалась ниша в системе морально-нравственных ценностей, а отдельные сотрудники далеки от идеальной модели правозащитника. Для того чтобы деятельность по обеспечению прав и свобод человека и гражданина, в том числе и органами внутренних дел, была более эффективной, государству в первую очередь необходимо системно решать экономические и социальные задачи, правовыми средствами снимать политическую напряженность в обществе. Государство в качестве приоритета должно заниматься формированием и последующим поддержанием нравственных устоев общества посредством институтов образования, культуры и искусства. Чем выше будет уровень общей культуры общества, тем выше будет и ее уровень правовой культуры, чем выше будет уровень общественного сознания, тем, соответственно, будет расти уровень правового сознания конкретной личности. Это тот конечный результат, к которому следует стремиться.

Правовая культура и правовое сознание раскрывают существование самого механизма обеспечения прав и свобод личности. Правовая культура и правовое сознание сотрудников органов внутренних дел и основанная на них правовая деятельность являются условиями реального действия механизма обеспечения прав и свобод личности. Именно правовая культура и правовое сознание выражают сущность и социальное назначение механизма обеспечения прав и свобод личности.

Е. В. Климович

О СОДЕРЖАНИИ ПРИНЦИПА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОСТИЖЕНИЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ, СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

Установленные законом принципы деятельности полиции — это основополагающие начала, идеи, на которых должна строиться ее де-

тельность в целом. В них отражаются представления законодателя о месте и роли полиции в обществе и государстве, допустимых пределах, методах и средствах ее вмешательства в социальную жизнь [1, с. 55]. Одной из целей формулирования норм-принципов является обеспечение реализации и защиты закрепленных в Конституции РФ прав и свобод человека и гражданина. Право на неприкосновенность частной жизни и запрет на сбор и использование информации о ней без согласия гражданина регламентированы ст. ст. 23, 24 Конституции РФ.

Полиция активно использует возможности современных информационных технологий, позволяющих не только вести сбор информации (видеофиксация происходящего), но и производить анализ полученных данных. В частности, МВД России участвует в реализации Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город»¹. Согласно п. 1 раздела 4 Концепции осуществляется видеонаблюдение и видеофиксация, в том числе снятие, обработка и передача данных видеопотока с камер видеонаблюдения о правонарушениях и ситуациях чрезвычайного характера; анализ видео- и аудиопотоков, включая автоматическую регистрацию событий на базе системы видеоанализа потока; видеоанализ событий, идентификация и распознавание лиц. Полицией используются системы видеонаблюдения, размещенные в патрульных транспортных средствах и на стационарных постах, либо носимые видеорегистраторы. Это еще один способ получения информации о неограниченном круге граждан, находящихся в общественных местах.

Пунктом 39 Административного регламента исполнения МВД России государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства в области безопасности дорожного движения предписано вести надзор за дорожным движением в поле обзора систем видеонаблюдения. В перечисленных случаях речь идет о сборе, обработке, передаче и хранении биометрических персональных данных (ст. 11 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»)². Законность такой обработки обеспечена положениями ч. 2 ст. 11 указанного Закона. Однако, на наш взгляд, перечисленные способы получения информации о гражд-

¹ Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» : утв. распоряжением Правительства РФ от 3 декабря 2014 г. № 2446-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О персональных данных : ст. 11 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

данах не охватываются положениями ч. 3 ст. 11 Федерального закона «О полиции». В силу п. 2 ч. 1 ст. 12 документировать обстоятельства совершения преступления, административного правонарушения, обстоятельства происшествия полиция может только после прибытия на место происшествия для пресечения противоправного деяния или устранения иной угрозы безопасности. Таким образом, законодатель прямо указал условия реализации нормы-принципа, позволяющей прибегать к видеофиксации. К сожалению, иных норм, позволяющих получать, обрабатывать, хранить информацию о неограниченном круге граждан, находящихся в общественных местах, Федеральный закон «О полиции» не содержит. Отечественный опыт и практика деятельности полиции зарубежных стран позволяют говорить о постоянном видеонаблюдении за состоянием общественного порядка и деятельности полиции с применением современных информационных технологий как эффективном способе защиты граждан в общественных местах от угроз любого типа. Поэтому необходимо на уровне закона определить право полиции для осуществления этой деятельности совместно с другими субъектами обеспечения безопасности.

В этом плане интересен зарубежный опыт правового регулирования. Во Франции 12 марта 2012 г. была принята законодательная часть Кодекса внутренней безопасности. В разделе 1 книги 1 определено понятие внутренней безопасности, включающее общественную и гражданскую безопасность (меры обеспечения безопасности населения в случае чрезвычайных обстоятельств). По нашему мнению, все используемые полицией средства имеют защитное предназначение, их применение не ущемляет, а способствует соблюдению прав и законных интересов граждан и общества. Видеозащита органично вписывается в партнерскую модель отношений общества и полиции.

На основании изложенного предлагается ч. 3 ст. 11 Закона «О персональных данных» после слова «видеофиксации» изложить в следующей редакции: «для обеспечения общественной безопасности, правопорядка в общественных местах, при документировании обстоятельств совершения преступлений, административных правонарушений, обстоятельств происшествий, а также для фиксирования действий сотрудников полиции, выполняющих возложенные на них обязанности».

Список литературы

1. *Федеральный закон «О полиции» : научно-практическое пособие / под ред. В. В. Гордиенко. М., 2013.*

Е. А. Клоков

ПРАВО НА СПРАВЕДЛИВОЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ НЕДВИЖИМОСТИ ГРАЖДАН В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ

Реформа налогообложения имущества физических лиц — одно из самых затянувшихся по времени мероприятий совершенствования современной налоговой системы России. Лишь с 2015 г. на всей территории Российской Федерации начал действовать «обновленный» налог на имущество физических лиц, впервые представленный в НК РФ главой 32 «Налог на имущество физических лиц». Новация вновь оживила полемику среди представителей научной общественности и средств массовой информации. В огромном количестве публикаций, специальных репортажей подробно отражена вся суть проведенной реформы и ее последствий и для граждан, и для бюджетов муниципальных образований.

Заявленная цель проводимой реформы налогообложения — не увеличение налогового бремени на население, а переход к более справедливому налогообложению за счет мер социальной защиты населения — на практике оказывается под большим вопросом. Налогообложение должно быть справедливым, эта аксиома есть частное проявление общего требования справедливости в праве. Требование справедливости проявляется и во всеобщности, и в равенстве, и в соразмерности, и в определенности, и в других правовых основах налогообложения. По мнению же Минфина России, справедливость налогообложения недвижимости физических лиц обеспечивается появлением в НК РФ налоговых вычетов (необлагаемой части кадастровой стоимости объекта недвижимости), сохранением налоговых льгот в виде освобождения от уплаты налога для отдельных категорий населения, введением коэффициентов, постепенно увеличивающих нагрузку на налогоплательщиков [1]. Иными словами, реформа направлена на перераспределение налоговой нагрузки на владельцев дорогостоящей недвижимости.

Анализ положений главы 32 НК РФ, практики проведения кадастровой оценки недвижимости позволяет усомниться в эффективности обозначенных выше мер социальной поддержки. Например, налоговые вычеты предоставляются всем категориям обеспеченных и необеспеченных граждан, современный вариант налоговых льгот значительно ухудшает материальное положение самой массовой категории льготников — пенсионеров. Огромное количество дел об оспаривании кадастровой стоимости свидетельствует о том, что существующий механизм ее определения оказался очень неэффективным, что напрямую обуславливает после-

дующее значительное уменьшение совокупной налоговой базы по НИФЛ, а также по земельному налогу.

Изучение статистических данных показывает, что о справедливости налогообложения недвижимости говорить еще рано. Дело в том, что основную массу облагаемых объектов на протяжении многих лет составляет жилой фонд. На протяжении десяти лет сохраняется тенденция незначительного уменьшения доли жилой недвижимости среди всей массы облагаемых объектов, и реформа НИФЛ в 2014 г. лишь немного усилила эффект снижения. Кроме того, по итогам 2015 г. доля налога, исчисленного по жилым домам, квартирам и комнатам, совокупно составила около 71%, в то время как дорогостоящие объекты недвижимости коммерческого назначения должны принести бюджетам всего 7% от начисленных сумм. Что касается налогоплательщиков — собственников недвижимости, то рост налогового бремени гарантирован не каждому. Владельцы дорогостоящей недвижимости ощутят реформирование налога в полной мере, владельцы недвижимости эконом-класса, особенно собственники недорогого жилья, имеют шанс даже снизить размер налоговых обязательств за счет налоговых вычетов и падения уровня налоговых ставок.

Таким образом, реформирование налогообложения имущества физических лиц лишь абстрактно связано с реализацией справедливости налогообложения, совершенно не гарантирует увеличение фискальной составляющей для местных бюджетов и рост налоговой нагрузки на основную часть населения.

Список литературы

1. *О введении налога на имущество физических лиц* : письмо Минфина России от 14 октября 2014 г. № 03-05-0601/51651. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

М. А. Кожевина

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Конституция Российской Федерации (ст. 43) признает за каждым гражданином страны право на образование. Содержание статьи Конституции в полной мере согласуется с нормами международного права. Так, ст. ст. 13 и 14 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, принятого ООН 16 декабря 1966 г., обуславливают образование как

важнейший фактор, формирующий новое качество всех сфер жизнедеятельности человека и общества в целом. «Международная стандартная классификация образования» (МСКО, октябрь 1997 г., 27 сессия Генеральной конференции ЮНЭСКО) определяет образование как организованный и устойчивый процесс коммуникации, порождающий обучение.

В современном понимании образование — это «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» (ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. «Об образовании в Российской Федерации»).

Вся совокупность правовых средств, созданных в рамках образовательной политики Российской Федерации, позволяет полноценно реализовать конституционное право на образование, обеспечивает и сохраняет единое образовательное пространство, устанавливает объем и механизм реализации прав на получение образования соответствующего уровня. Исторически право на образование как естественное право человека и личности было признано лишь в недавнем прошлом. Октябрь 1917 г. считается началом нового периода в истории отечественного права. Задачи, которые ставило перед собой Советское государство в духовной сфере, включали в себя коренные преобразования в системе просвещения и образования, формирование новой, социалистической интеллигенции, новой морали, утверждение новой идеологии и т. п. 29 октября 1917 г. публикуется воззвание наркома просвещения А. В. Луначарского «О народном просвещении» [1], которое фактически определило организационные мероприятия и принципы государственной политики в области образования и просвещения: бороться против безграмотности и невежества, добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности путем создания сети школ и введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения.

Одним из определяющих факторов в развитии системы образования, на наш взгляд, является уровень образования населения. От решения этого вопроса зависело состояние всей образовательной системы: устанавливая уровень обязательного образования, государство тем самым определяет приоритеты в развитии системы на текущий момент. Согласно этому критерию возможно выделить этапы развития системы образования и, соответственно, реализации конституционного права на образование в России.

Первый этап — 1917–1930 гг. — связан с созданием условий для массового образования и с формированием единой трудовой школы. С введением обязательного начального образования начинается второй этап — с 1930 г. вплоть до начала Великой Отечественной войны, годы которой — 1941–1945 — следует рассматривать как самостоятельный период. Четвертый этап охватывает послевоенный период до 1958 г., когда было введено обязательное семилетнее образование. Реформа в школьной системе, связанная с профессионализацией школы и введением обязательного восьмилетнего обучения, положила начало пятому этапу, который завершается в 1972 г., с переходом к обязательному среднему образованию. Очередная реформа в общеобразовательной сфере, направленная на внедрение новых образовательных программ, фактически определила седьмой этап — 1984–1991 гг., развитие постсоветской школы на основе законов «Об образовании» 1992 и 2012 гг. следует рассматривать как последний этап.

Впервые право на образование было закреплено в ст. 121 Конституции СССР 1936 г. Это положение получило развитие в «Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании», принятых Верховным Советом СССР и введенных в действие с 1 января 1974 г., а затем в Конституции СССР 1977 г. Статьи 25 и 45 Конституции закрепляли правовые основы системы народного образования, а также гарантии права на образование. Конституция СССР гарантировала равенство граждан в получении образования независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств. Это право обеспечивалось: бесплатностью всех видов образования, осуществлением всеобщего обязательного среднего образования молодежи, широким развитием профессионально-технического, среднего специального и высшего образования на основе связи обучения с жизнью, с производством; развитием заочного и вечернего образования; предоставлением государственных стипендий и льгот учащимся и студентам; бесплатной выдачей школьных учебников; возможностью обучения в школе на родном языке; созданием условий для самообразования.

Сложившаяся правовая традиция в советский период нашла свое развитие и на современном этапе. Государство по-прежнему выступает основным гарантом реализации гражданами Российской Федерации конституционного права на образование.

Список литературы

1. *Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 1, ст. 16.*

Е. А. Конюх, А. А. Сковородко

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

Законодательством Российской Федерации дорожно-транспортное происшествие (далее — ДТП) в зависимости от наступивших последствий может быть квалифицировано как уголовное деяние. Статья 264 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности последствия в виде причинения тяжкого вреда здоровью человека или его смерти. Указанные последствия влекут за собой, по сути, умаление имущественной и моральной сферы потерпевшего.

Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции РФ). В связи с этим вопросы обеспечения возмещения имущественного, а также компенсации морального вреда в рамках расследования уголовных дел названной категории видятся актуальными. Налицо ситуация взаимопроникновения конституционно-правовых, уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и гражданско-правовых норм. Субъектом преступления по ст. 264 УК РФ является лицо, управляющее механическим транспортным средством, т. е. водитель. Соответственно требования о возмещении вреда пострадавшей стороне будут адресованы именно ему. Пострадавшая в результате ДТП сторона (водитель, пассажир, пешеход либо родственники погибшего) имеет право заявить в суд гражданский иск как при наличии у виновного полиса ОСАГО, так и при его отсутствии, если считает, что страховая компания не в полном объеме возместила вред.

Следователь как должностное лицо, ведущее расследование, на этапе предварительного следствия должен разъяснить потерпевшему право заявления гражданского иска. Заявлять гражданский иск потерпевший, а в случае его смерти — близкие родственники имеют право на предварительном следствии или в суде. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 44 УПК РФ гражданский иск может быть предъявлен после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного уголовного дела в суде первой инстанции.

Лица, виновные в совершении преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, ведут себя в части возмещения вреда потерпевшему лицу по-разному. Одни всячески пытаются «загладить» наступившие неблаго-

приятные последствия, предлагая необходимые денежные суммы, дабы минимизировать физические и нравственные страдания потерпевшего, оказывают иную посильную помощь пострадавшему (его родственникам). Другие же никоим образом не проявляют своего желания в добровольном возмещении, на контакт с пострадавшим (его родственниками) не идут, уклоняются от обсуждения этого вопроса, ссылаясь на разные обстоятельства, в том числе тяжелое финансовое положение и т. п. причины, пытаются до суда «освободиться» от имеющегося у них имущества. Именно здесь вопрос обеспечения возмещения вреда становится весьма насущным, особенно когда риск гражданской ответственности виновного в ДТП водителя не был застрахован.

В соответствии со ст. 160¹ УПК РФ следователь, установив, что совершенным преступлением причинен имущественный вред, обязан принять меры по установлению имущества подозреваемого, обвиняемого либо лиц, в соответствии с законодательством несущих ответственность за вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым, стоимость которого обеспечивает возмещение имущественного вреда, и принять меры по наложению ареста на данное имущество.

В связи со спецификой уголовных дел по ДТП меры по обеспечению гражданского иска по делам данной категории применяются чрезвычайно редко, поскольку большинство водителей застрахованы по полису ОСАГО и, таким образом, страховая компания самостоятельно покрывает все имущественные расходы потерпевшего. Пострадавшая сторона, как правило, неудовлетворенной остается только в части отсутствия либо недостаточной компенсации причиненного морального вреда, возмещение которого в соответствии с нормами ст. 160¹ УПК РФ следователь обеспечивать не обязан.

Необходимость следователя прибегнуть к нормам ст. 160¹ УПК РФ может возникнуть в ситуации, когда действительно риск виновного водителя застрахован не был. В этом случае следователь обязан принять меры, направленные на установление в собственности виновника ДТП какого-либо имущества путем направления запросов в соответствующие органы, обладающие интересующей следствие информацией, с последующим наложением на него ареста через обращение с постановлением в суд.

В рамках уголовного дела по факту ДТП обеспечиваться должно только возмещение вреда, причиненного здоровью человека или его жизни.

Практика складывается таким образом, что на этапе предварительного следствия положениями ст. 160¹ УПК РФ наиболее часто следователи руководствуются, как правило, при расследовании преступлений в сфере экономики. По уголовным делам о ДТП, как правило, обеспечение

возмещения имущественного вреда возлагается на страховую компанию, а обеспечение вреда морального выглядит примерно так: после вынесения приговора судья рассматривает иски о возмещении потерпевшей стороны, в случае их удовлетворения (удовлетворения в части) решение суда направляется в службу судебных приставов, чьи сотрудники уже самостоятельно устанавливают наличие в собственности виновного имущества и принимают меры к его аресту и дальнейшей реализации.

С. И. Корыц, В. И. Сургутсков

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УЧАСТИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА НА СВОЕЙ ТЕРРИТОРИИ

Актуальность законодательных инициатив, направленных на обеспечение практической реализации осуществления органами местного самоуправления конституционных полномочий в сфере охраны общественного порядка, очевидна. В последние годы в России проделана определенная работа по развитию системы муниципальных органов охраны общественного порядка.

Принятие Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» и Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» стало очередным, этапным шагом на пути поиска оптимального баланса интересов между государством и органами местного самоуправления, а также взаимодействия между ними, ориентированного на создание условий для предупреждения и пресечения нарушения общественного порядка, обеспечения общественной безопасности в муниципальных образованиях. Однако, несмотря на то что Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предусматривает необходимость принятия федерального закона, регламентирующего порядок организации и деятельности муниципальных органов охраны общественного порядка (муниципальной милиции), в настоящее время такой закон не принят.

Попытки законодательного урегулирования общественных отношений, связанных с организацией и осуществлением органами местного самоуправления полномочий в сфере охраны общественного порядка, на федеральном уровне предпринимались дважды — в 2014 и 2016 гг. Первый законопроект был снят с рассмотрения Советом Государственной

Думы Федерального Собрания РФ. Рассмотрение второго законопроекта после его внесения в нижнюю палату парламента на момент написания данной работы еще не началось. Однако его новеллы уже привлекли повышенное внимание со стороны ученых и практиков, вызвав оживленную дискуссию о вариантах развития системы муниципальных органов охраны общественного порядка в России.

Прежде всего обращает на себя внимание термин «муниципальная милиция», использованный в законопроекте в качестве обозначения, по сути, нового правоохранительного органа. Исходя из анализа отдельных норм законопроекта, предусматривавших обширные полномочия для должностных лиц в части применения мер принуждения, полагаем, что термин «муниципальная полиция» более точен. Вместе с тем вызывает обоснованное сомнение необходимость наделения муниципальной милиции «силовыми» полномочиями.

Законопроект называет одним из направлений деятельности муниципальной милиции охрану общественного порядка на территории соответствующего муниципального образования. Кроме того, на муниципальную милицию предлагается возложить ряд обязанностей, большинство из которых в области охраны общественного порядка в настоящее время реализуются органами внутренних дел (полицией). Обязанности, которые предлагаются для наделения ими органов муниципальной милиции, представляются слишком широкими и неоправданно громоздкими для обеспечения организации охраны общественного порядка на территории муниципального района. Считаем, что муниципальные органы охраны общественного порядка, с учетом положений Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», должны создаваться как органы, предназначенные для противодействия тем противоправным деяниям, которые характеризуются невысокой степенью общественной опасности, для пресечения административных правонарушений и осуществления производства по делам об административных правонарушениях, отнесенных законодательством субъектов РФ об административных правонарушениях к их подведомственности.

С учетом изложенного предлагаем при определении полномочий муниципальных органов охраны общественного порядка, совпадающих или находящихся в прямой или косвенной зависимости от реализации полномочий, осуществляемых органами внутренних дел, установить пределы реализации этих полномочий, с закреплением в федеральном законе о муниципальной милиции порядка взаимодействия между муниципальными органами и МВД России, устраняя тем самым необходимость за-

ключения дополнительных соглашений между МВД России и правительствами субъектов РФ.

В совместном докладе Института проблем правоприменения и Европейского университета в Санкт-Петербурге указывалось, что одной из существенных проблем является «неготовность самих муниципалитетов не только финансировать, но и брать на себя контроль за деятельностью муниципальной милиции. Предполагалось, что создание муниципальной милиции должно отвечать нуждам и потребностям органов местной власти и самоуправления, но последние этих потребностей не осознали, а мер, чтобы их научить и разъяснить, зачем это нужно и как лучше создавать муниципальную милицию, не было предпринято. В результате на уровне администраций этих городов были формально назначены должностные лица, которые не были готовы к реализации и продвижению эксперимента» [1, с. 93].

В заключение следует подчеркнуть концептуальное значение, которое имеет принятие федерального закона, регулирующего общественные отношения в связи с осуществлением органами местного самоуправления полномочий в сфере охраны общественного порядка.

Список литературы

1. *Диагностика работы правоохранительных органов по охране общественного порядка и перспективы создания муниципальной милиции в России* / В. Волков [и др.]. СПб., 2015.

А.В.Курсаев

СИСТЕМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ТРУДОВЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ КУБА

В статье 37 Конституции РФ провозглашено такое важное общесоциальное право, как право на труд. Естественно, что право на труд (свобода труда) должно подлежать охране от возможных нарушений различными отраслями российского права, в том числе и уголовным правом.

В УК РФ 1996 г. вопросам ответственности за посягательства против трудовых прав граждан посвящена глава 19 УК «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Таким образом, в УК РФ отсутствует самостоятельная глава, которая специально регулировала бы борьбу с данной группой преступных посягательств. В то же время в отдельных зарубежных государствах в уголовных законах присут-

ствуется выделение преступлений против трудовых прав граждан в качестве самостоятельных структурных единиц, примером чего является УК Кубы.

Правовая система Республики Куба подвергалась влиянию многих правопорядков, в том числе и уголовного права СССР. Правовая система Кубы входит в социалистическую правовую семью, сохраняя сильные традиции испанского наследия и отдельные черты англо-американского права [1, с. 358]. До 1938 г. на Кубе действовал Уголовный кодекс Испании 1870 г. Он исходил из деления всех преступлений на тяжкие, или собственно преступления, и менее тяжкие, или правонарушения. Это деление сохраняется в кубинском уголовном праве и поныне. В 1973 г. была принята Общая часть Уголовного кодекса (Закон от 25 июня 1973 г.), а в 1979 г. — новый УК целиком [2, с. 5–9].

УК Кубы содержит специальный раздел IX «Преступления против индивидуальных прав». Однако преступления против трудовых прав посвящен отдельный раздел X. Указанный способ выделения правовых норм, посвященных борьбе с посягательствами на трудовые права граждан, во многом обусловлен тем особым вниманием, которое обращается на социально-экономические права, в том числе в части реализации права на труд, в странах семьи социалистического права. В разделе X «Преступления против трудовых прав» УК Кубы размещены нормы, направленные на охрану соответствующих общественных отношений — статьи 296 и 297. Статья 296 УК Кубы предусматривает привлечение к уголовной ответственности лица, несущего прямую ответственность за применение или выполнение мер, касающихся защиты и гигиены труда, которые вследствие нарушения в пределах своей компетенции распоряжений, установленных в этом отношении, порождают смерть работника.

Привилегированные составы данных преступлений предусматривают ответственность за те же деяния, повлекшие причинение серьезной травмы или серьезного ущерба здоровью работника. Самобытной является статья 297 УК Кубы, в которой предусмотрена ответственность за необоснованное наложение на работников дисциплинарного взыскания без законного разрешения или статуса. Санкция за данное преступление включает лишение свободы на срок от трех месяцев до одного года или штраф в размере от ста до трехсот квот. Квалифицированный состав названного преступления связан с наличием специального мотива или цели — вражды, мести или другой злонамеренной цели. В то же время наличие в УК Кубы самостоятельного раздела X не означает, что в иных его разделах не предусмотрены деяния, которые российской уголовно-правовой доктриной и УК РФ 1996 г. отнесены к числу преступлений против трудовых прав граждан. Так, по ст. 291 УК Кубы осущест-

вляется наказание виновного, который каким-либо образом запрещает другому лицу осуществлять право на свободу слова или печати, гарантированное Конституцией Кубы и законами. Повышенная уголовная ответственность предусмотрена в том случае, когда в качестве субъекта данного преступления выступает государственное должностное лицо. Данная статья размещена в разделе IX УК Кубы «Преступления против индивидуальных прав» и, как следует из ее содержания, является аналогом ст. 144 «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов» УК РФ. В то же время при анализе УК Кубы следует учитывать, что уголовно-правовая охрана трудовых прав граждан построена с учетом определения данного государства как социалистического, с установлением государственной или общественной собственности на средства производства. Учитывая изложенное, острое уголовно-правовой охраны трудовых прав на Кубе направлено в первую очередь на обеспечение безопасности труда, так как, во-первых, именно в этой области наблюдается наличие наиболее тяжких последствий в виде причинения смерти или наступления вреда здоровью, что и обуславливает криминализацию подобных деяний, а во-вторых, таким образом обеспечивается сохранение трудовых ресурсов. При этом УК Кубы, в отличие от УК РФ, не предусматривает дробление данного состава в зависимости от сферы наступления преступных последствий (ч. 2 ст. 109, ст. ст. 143, 216 и 217 УК РФ), а идет по пути конструирования универсального единого состава преступления. Положительно следует оценивать и выделение преступлений против трудовых прав граждан в самостоятельный раздел, несмотря на то, что количество данных норм весьма малочисленно. А. Э. Жалинский отмечал, что изучение иностранного уголовного права позволяет «представить законодателю более широкий круг возможных вариантов правового регулирования» [3, с. 104]. В связи с этим дальнейшие сравнительно-правовые исследования иностранного и международного уголовного права являются важным направлением развития юридической науки, на основе которых возможно поступательное совершенствование российского уголовного права и его институтов.

Список литературы

1. *Правовые системы стран мира* / отв. ред. А. Я. Сухарев. М., 2001.
2. *Нуэс Марреро Франциско*. Основные черты Уголовного кодекса Кубы. Общая часть : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982.
3. *Жалинский А. Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009.

А. В. Куянова, О. Ю. Филиппов

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ НА СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И БЕЗОПАСНОСТИ

В условиях развития институтов демократии и гласности все более повышается политическая активность граждан и общественных организаций. Миллионы граждан Российской Федерации принимают участие в различных общественно-политических, культурных, спортивных, религиозных и других массовых мероприятиях [1, с. 324]. В 2016 г. в Российской Федерации прошло 72 тысячи массовых мероприятий [2, с. 38].

В современных условиях массовые мероприятия представляют собой сложные социально значимые явления, основными признаками которых являются:

- участие большого количества граждан (массовость);
- проведение массовых мероприятий в общественных местах;
- организованный характер массового мероприятия;
- открытость и доступность массового мероприятия.

Целями массовых мероприятий являются удовлетворение потребностей в экономической, политической, социально-культурной и других материальных и духовных сферах.

К факторам, влияющим на обеспечение общественного порядка и безопасности при проведении массовых мероприятий, относятся:

1) значительное количество субъектов, принимающих участие в их подготовке и проведении. Это организаторы массовых мероприятий — общественные организации, государственные органы, администрации спортивных, культурных и иных учреждений, на территории которых проводится массовое мероприятие; граждане, а также органы и организации, непосредственно обеспечивающие охрану общественного порядка и общественной безопасности (органы внутренних дел (полиция), части Национальной гвардии России, органы Федеральной службы безопасности, частные охранные организации, общественные формирования и др.);

2) создание на территории проведения массовых мероприятий обстановки, которая характеризуется такими особенностями, как наличие большого скопления людей на ограниченной территории. Люди находятся во власти ярко выраженных эмоций, на их поведение влияет анонимность присутствия, нередко — употребление спиртных напитков. В совокупности это приводит к снижению чувства ответственности за свои действия. Кроме того, граждане могут попасть под влияние так называемой психологии толпы, когда они становятся восприимчивыми ко всякого рода слухам.

В таких условиях промахи в деятельности государственных органов и их должностных лиц, в том числе сотрудников полиции, а также администрации зрелищных учреждений, могут послужить поводом для возникновения групповых нарушений общественного порядка. В ряде случаев групповые нарушения общественного порядка отличаются особой дерзостью, сопровождаются нанесением телесных повреждений гражданам, сотрудникам полиции, повреждением чужого имущества, в том числе оборудования стадионов, подвижного состава электропоездов, что может вызвать значительный материальный ущерб и общественный резонанс.

Обстановка на территории проведения мероприятия влечет:

- изменение обычного ритма жизни населения (ограничение или изменение дорожного движения, изменение распорядка работы предприятий торговли, питания, бытового обслуживания и т. п.);

- влияние национальных особенностей образа жизни, обычаев, традиций, климатических и других условий на проведение массовых мероприятий в различных регионах страны, в городской и сельской местности, в помещениях и на открытой местности.

К указанным факторам относятся также:

- перемещение участников массовых мероприятий к месту их проведения и обратно, что в основном осуществляется транспортом, находящимся в оперативном обслуживании органов внутренних дел, — автомобильным, метрополитеном, железнодорожным, а также водным и воздушным;

- непрерывный анализ оперативной обстановки и моделирование возможных вариантов развития осложнений оперативной обстановки;

- угроза стихийного формирования неформальных группировок, отрицательно влияющих на состояние общественного порядка и безопасности;

- угроза использования проводимых мероприятий для совершения террористических актов в местах массового пребывания граждан;

- угроза взрыва либо обнаружение взрывных устройств;

- угроза захвата заложников;

- угроза аварий, источниками которых являются техногенные чрезвычайные ситуации на расположенных вблизи потенциально опасных объектах и на транспорте;

- угроза аварий, вызванных чрезвычайными ситуациями природного характера;

- угроза возникновения пожара и др.

С учетом перечисленных особенностей сотрудники полиции, принимающие участие в охране общественного порядка и обеспечении безо-

пасности при проведении массовых мероприятий должны знать характеристику объекта, на территории которого проводится массовое мероприятие:

- площадь (территорию) объекта;
- профиль объекта (спортивный, образовательный, культурный и т. д.);
- режим работы;
- среднюю и максимальную вместимость;
- характеристику района размещения объекта (рельеф, транспорт, предприятия общественного питания, реализующие алкогольную продукцию, и др.).

Знание и учет сотрудниками полиции особенностей массовых мероприятий, а также факторов, влияющих на охрану общественного порядка и обеспечение безопасности, способствуют наиболее эффективному выполнению задач, поставленных перед органами внутренних дел при проведении массовых мероприятий.

Список литературы

1. *Административная деятельность полиции. Часть Особенная* : учеб. пособие / под ред. проф. О. И. Бекетова. Омск, 2016.
2. *Коротченков Д. А.* Организация административно-правовой охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности при проведении массовых мероприятий: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

А. П. Лыга

К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ПОТЕРПЕВШЕГО НА КОМПЕНСАЦИЮ ПРИЧИНЕННОГО УЩЕРБА

Защита прав и свобод личности гарантируется государством. Потерпевшим обеспечиваются доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба. УПК РФ содержит положения, обязывающие правоприменителей для достижения целей уголовного судопроизводства принимать меры к соблюдению прав и законных интересов потерпевших от преступлений.

Конституционная гарантия, установленная ст. 52 Конституции, находит свое отражение в ч. 3 ст. 42 УПК РФ. Нормы обязывают правоприменителя не только собрать доказательства причастности конкретного

лица к совершению преступления, но и принять предусмотренные законом «обеспечительные» меры к возмещению причиненного имущественного вреда.

Несмотря на прозрачность и, казалось бы, четкую регламентацию деятельности правоохранительных органов по рассматриваемому направлению деятельности, правовое регулирование данной сферы имеет определенные пробелы, не позволяющие в полной мере обеспечить реализацию указанной выше конституционной гарантии. Органы внутренних дел наделены широким кругом полномочий, связанных с изъятием имущества, явившегося предметом преступления (при производстве обыска, выемки или осмотра места происшествия), и после признания его вещественным доказательством, если это возможно без ущерба для доказывания, возврату материальных ценностей законному владельцу (потерпевшему).

Кроме того, положениями ст. 115 УПК РФ предусмотрено, что для целей обеспечения приговора в части гражданского иска на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, а также на имущество, находящееся у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого, может быть наложен арест.

Арест также может быть наложен на денежные средства и иные ценности, находящиеся на счете, во вкладе или на хранении в банках и иных кредитных организациях. Данная мера принуждения может быть отменена только в случае наличия достаточных доказательств, свидетельствующих о причастности к преступлению конкретного лица, действия которого повлекли размещение безналичных денежных средств на счетах лиц, не имеющих отношения к преступлению, а также после придания в установленном порядке ему соответствующего процессуального статуса: подозреваемого или обвиняемого.

Конституционный Суд РФ в постановлении № П-1 от 31 января 2011 г. выразил свою правовую позицию по данному вопросу. Полагаем, что развитию правоприменительной практики в рассматриваемом направлении способствовали бы разработка и внедрение в экспертную деятельность научно обоснованных методов, позволяющих выделить денежные средства, перечисленные на счет в результате совершения преступления, из общей массы иных средств, размещенных на нем, в том числе в условиях совершения транзакций после их зачисления. Данная задача значительно упрости-

лась бы при внедрении в банковскую деятельность неких средств идентификации безналичных денег (по примеру криптовалюты).

Подводя итог, необходимо констатировать, что существующие проблемы правоприменительной практики, следующие из вопросов реализации норм отраслевого законодательства, являются прямым следствием несовершенства последнего, что объективно препятствует возможности его применения в системном единстве и не способствует обеспечению прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией РФ.

А. А. Морозов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА С РЕЛИГИОЗНЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СВОБОДЫ СОВЕСТИ

Стандарты обеспечения свободы совести задаются международными правовыми документами по правам человека. Значительным документом по защите религиозных прав является Декларация ООН «О ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений», принятая 25 ноября 1981 г., в которой закреплены важнейшие религиозные права [1, с. 10].

Согласно Конституции Россия — светское государство. Страны, объявившие себя светскими государствами, фактически реализуют разные модели государственно-религиозных отношений — сепарационную и кооперационную. Первая модель основана на жестком разделении сфер деятельности государства и религиозных институтов. Принцип светскости реализуется в этом случае в предельной минимизации отношений государства и религиозных организаций. Стратегия отделения последовательно реализуется в США, Нидерландах, Франции. В этих государствах последовательно проводится политика обеспечения равенства всех религий, не осуществляется поддержка какой-либо религии, утверждается принцип отделения церкви от государства в самом широком его понимании. В этом случае функции светского государства сводятся к следующему: контроль за соблюдением принципа отделения религиозных организаций от государства во всех сферах; правовое регулирование создания, деятельности и ликвидации религиозных объединений, их регистрация, контроль за соблюдением ими законодательства; защита прав верующих и их объединений [2, с. 323]. Соответственно все, что выходит за пределы реализации этих функций, часто оценивается как нарушение равенства граждан и их объединений. Это предполагает минимизирование взаимодействия государства и религиозных организаций.

В процессе такого взаимодействия неизбежно возникнут конфессиональные предпочтения по объективным и субъективным причинам.

Вторая — кооперационная — модель открывает широкие возможности для взаимодействия государства и религиозных институтов. При этом сохранение конституционного принципа равенства общественных объединений потребует от государства предельной открытости для работы с самыми разными религиозными объединениями. Вместе с тем указывается опыт различных европейских государств, где действуют разного рода соглашения между государством и религиозными организациями, которые дифференцированы по самым разным основаниям. Такое положение существует в Италии, Испании, Бельгии, Австрии, Швеции. Некоторые современные авторы отмечают преимущества именно такого опыта государственно-конфессиональных отношений. Так, Е. М. Мирошников отмечает: «Эта модель на основе принципа отделения при отсутствии государственной религии обеспечивает легитимное сотрудничество государства с религиозными организациями. По сути, она является «золотой серединой» между идентификацией и строгим отделением» [3, с. 32]. При этом называются важные принципы реализации отношений между государством и отдельными церквями: мировоззренческий нейтралитет государства, принцип толерантности, принцип паритета. Иначе говоря, смысл отношений государства и церкви может быть связан только с решением общезначимых задач; сотрудничество с одними религиозными организациями не должно приводить к ущемлению возможностей других.

В настоящее время в Российской Федерации реализуется кооперационная модель государственно-религиозных отношений. Государство активно взаимодействует с религиозными объединениями. На федеральном и региональном уровне существует значительное количество соглашений о сотрудничестве между органами государственной власти и отдельными религиозными объединениями. Созданные в стране правовые условия в целом способствуют реализации свободы в России. Однако это не означает отсутствия проблемных ситуаций. Проблематика свободы совести порождает множество коллизий правового и неправового характера, в том числе критику в адрес государства на состояние свободы совести. Можно остановиться только на некоторых сюжетах. Во-первых, усиление роли и влияния Русской Православной Церкви Московского патриархата порождает разговоры о клерикализации российского общества. Во-вторых, долгое время в Аппарате уполномоченного по правам человека действовал специальный отдел защиты свободы совести. При этом с каждым годом количество жалоб возрастало. Но в 2014 г. отдел был ликвидирован. В-третьих, большой резонанс получили изменения, внесенные в Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125 «О свобо-

де совести и о религиозных объединениях», ограничивающие миссионерскую деятельность. Безусловно, когда мы оцениваем состояние свободы в стране, ее соответствие сформировавшимся международным стандартам, в поле нашего внимания должны находиться не только нормативные правовые акты, регламентирующие соответствующие правоотношения, но и та конкретная общественная ситуация, в которой правовые нормы применяются.

Список литературы

1. *Дэйвис Д.* Декларация Организации Объединенных Наций «О ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений» как фактор защиты религиозной свободы // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Вып. 3. Сб. статей. М., 2006.

2. *Выдрина Г. А.* О концептуальных основах изучения религиозной ситуации // Свобода совести в России: исторический и современный аспект : сб. докл. и мат-лов межрегиональных науч.-практ. семинаров и конф. 2002–2004. М., 2004.

3. *Мирошникова Е. М.* Кооперационная модель государственно-церковных отношений // Религии Поволжья: проблемы социального служения : сб. мат-лов конф. Н. Новгород, 2009.

С. А. Романькова

ДИСКРЕЦИОННЫЕ (ПО УСМОТРЕНИЮ) ПОЛНОМОЧИЯ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ГИБДД

Учеными в области административного права обозначены дискреционные (по усмотрению) полномочия. При этом обозначены два вида усмотрения: первый — установленная законодателем возможность правоприменителя избирать принудительную меру, установленную государством. Второй — отсутствие нормативных оснований для реализации своего намерения. Принимая во внимание сформулированные положения, акцентируем внимание на дискреционных (по усмотрению) полномочиях в правоприменительной деятельности сотрудников Государственной инспекции безопасности дорожного движения (ГИБДД).

В современных условиях осуществления правоприменительной деятельности полиции на основе принципов соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина, законности, беспристрастности, откры-

тости и публичности, общественного доверия и поддержки граждан, взаимодействия и сотрудничества, использования достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем [1, с. 28–33; 2, с. 174–176]. ГИБДД свойствен первый вид усмотрения. Приоритет в выборе установленной в законодательстве меры ответственности определяется судьей. Однако это не исключает административного усмотрения других органов и должностных лиц, например, сотрудников ГИБДД. Установленная законодателем возможность выбора меры административной ответственности зависит от характера совершенного проступка, степени последствий и других установленных законодателем условий. К этим условиям относятся личность виновного, его имущественное положение, обстоятельства, смягчающие административную ответственность, и обстоятельства, отягчающие административную ответственность.

В отношении обстоятельств, смягчающих административную ответственность, законодатель прямо указывает на то, что их перечень не является исчерпывающим и закрепляет правомочие должностных лиц ГИБДД, рассматривающих дело об административном правонарушении, признать смягчающими обстоятельства, не указанные в Кодексе РФ об административных правонарушениях или в законах субъектов РФ об административных правонарушениях (ч. 2. ст. 4.2. КоАП РФ). Однако закрепленный в законе перечень обстоятельств, отягчающих административную ответственность, не может быть расширен по усмотрению правоприменителя.

В то же время, если при рассмотрении дела будет установлена малозначительность совершенного административного правонарушения, должностные лица ГИБДД на основании ст. 2.9 КоАП РФ вправе освободить виновное лицо от административной ответственности и ограничиться устным замечанием. Например, при переходе пешеходом проезжей части вне зоны пешеходного перехода, если при этом не создано помех в движении участников дорожного движения и транспортных средств, и др. Однако, с учетом признаков объективной стороны, некоторые административные правонарушения в области дорожного движения ни при каких обстоятельствах не могут быть признаны малозначительными, поскольку существенно нарушают охраняемые общественные отношения. В частности, к ним относятся административные правонарушения, предусмотренные ст. ст. 12.8, 12.26 КоАП РФ и др. Понятие малозначительности деяния в содержании действующего законодательства не закреплено. Судьи рекомендуют признавать малозначительным административным правонарушением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но, с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяже-

сти наступивших последствий, не представляющее существенного нарушения охраняемым общественным правоотношениям [2].

Считаем целесообразным указанную рекомендацию закрепить в примечании к ст. 2.9 КоАП РФ.

Список литературы

1. Бучакова М. А., Дизер О. А., Александров А. Н. Формирование партнерской модели взаимоотношений полиции и общества в России // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 4.

2. Административная деятельность полиции. Часть Особенная: учеб. пособие / под ред. проф. О. И. Бекетова. Омск, 2016. 356 с.

Д. С. Рудьман

О РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ НА ЖИЛИЩЕ

Одним из наиболее острых в нашем государстве продолжает оставаться жилищный вопрос. Количество граждан, не обеспеченных жильем, остается крайне большим. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), только третья часть российских граждан полностью удовлетворена своими жилищными условиями.

В соответствии с ч. 1 ст. 40 Конституции РФ каждый имеет право на жилище. Необходимо учитывать, что данное конституционное положение не является гарантией. В то же время малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами. К иным гражданам традиционно относятся военнослужащие, сотрудники прокуратуры и полиции, судьи. Анализ ст. 44 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» показывает, что в настоящее время право сотрудников полиции на жилище может быть реализовано посредством предоставления:

- 1) служебного жилого помещения;
- 2) жилого помещения в собственность;
- 3) единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения (далее — единовременная социальная выплата).

Кроме того, отношения, связанные с обеспечением сотрудников органов внутренних дел жилыми помещениями, регулируются Федераль-

ным законом от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1]. Дополнительно к перечисленным выше возможностям сотрудникам полиции могут предоставляться жилые помещения: жилищного фонда Российской Федерации по договору социального найма (ст. 6); специализированного жилищного фонда, к числу которых относятся не только служебные жилые помещения, но также жилые помещения в общежитии (ст. 8).

Приведенные способы реализации права сотрудников полиции на жилище условно можно разделить на две группы: временные (предоставление служебного жилого помещения или жилого помещения в общежитии посредством заключения договора специализированного найма жилого помещения) и постоянные (предоставление жилого помещения в собственность, заключение договора социального найма, единовременная социальная выплата). Безусловно, временные способы удовлетворения жилищной потребности сотрудников полиции окончательно не решают рассматриваемую проблему, а потому являются малоэффективными [2].

Среди постоянных способов реализации права на жилище отдельного внимания заслуживает предоставление сотрудникам полиции единовременной социальной выплаты. Два других способа реализуются нередко в связи с тем, что распространяются на ограниченный круг лиц, являются следствием смерти, инвалидности сотрудника органов внутренних дел и т. д. Так, по решению руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, руководителя иного федерального органа исполнительной власти, в котором проходят службу сотрудники, жилое помещение, приобретенное (построенное) за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, может быть предоставлено в собственность следующим лицам, имеющим право на единовременную социальную выплату:

- 1) в равных долях членам семьи сотрудника, погибшего (умершего) вследствие увечья или иного повреждения здоровья в связи с выполнением служебных обязанностей либо вследствие заболевания, полученного в период прохождения службы в органах внутренних дел;

- 2) инвалидам I и II групп, инвалидность которых наступила вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных в связи с выполнением служебных обязанностей либо вследствие заболевания, полученного в период прохождения службы в органах внутренних дел.

Жилое помещение жилищного фонда России по договору социального найма предоставляется сотрудникам, гражданам Российской Феде-

рации, уволенным со службы в органах внутренних дел, и совместно проживающим с ними членам их семей, принятым на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях, до 1 марта 2005 г. Следовательно, сотрудники, нуждаемость которых возникла после указанной даты, в том числе вновь принятые на службу, таким правом не обладают.

Не вдаваясь в развернутый анализ положений действующего законодательства, регулирующего процедуру предоставления единовременной социальной выплаты, отметим, что на сегодняшний день данная мера также не лишена недостатков. К их числу следует отнести: неопределенность категории «член семьи» для принятия законного решения о постановке на учет или об отказе в постановке; нечеткую правовую регламентацию намеренных действий, повлекших ухудшение жилищных условий сотрудника; отсутствие норм, предусматривающих процедуру снятия сотрудника с учета в случае отчуждения недвижимости после принятия на учет; отсутствие механизма, предусматривающего возможность сохранения на учете при переходе сотрудника из одного федерального органа исполнительной власти в другой; ограниченное финансирование и т. д.

На основании вышеизложенного необходимо отметить, что закрепленные в законодательстве меры по обеспечению сотрудников полиции жилым помещением на сегодняшний день недостаточны и требуют дальнейшего совершенствования.

Список литературы

1. Рос. газета. 2011. 21 июля.
2. Административная деятельность полиции. Часть Особенная : учеб. пособие / под ред. проф. О. И. Бекетова. Омск, 2016.

А. Е. Скиданова

СВОБОДА СОВЕСТИ КАК ЛИЧНОЕ ПРАВО ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Свобода совести — одно из неотъемлемых прав человека и гражданина, являющихся условием формирования демократического государства, которое требует дополнительные гарантии и защиту [1]. Исходя из общепринятой классификации прав и свобод человека и гражданина, согласно которой выделяются личные, политические, социальные, культурные, экономические права, по своему содержанию право на свободу совести относится к личным правам. Вместе с тем в науке конституционно-

го права до настоящего времени не определено место названного права в представленной классификации.

В советской литературе господствовала точка зрения отнесения права на свободу совести к политическим правам. Современные подходы основываются на понимании свободы совести с юридической позиции. В этой связи возобладал подход отнесения права на свободу совести к личным правам. В обоснование данной позиции выделяют следующие критерии: 1) гарантированность индивидуальной свободы, т. е. возможность беспрепятственного выбора различных вариантов поведения гражданина в сфере нравственных отношений, быта, частной жизни; 2) способность к индивидуализации личности гражданина, к наилучшему проявлению духовных интересов, способностей, склонностей; 3) предопределение наиболее существенных аспектов положения личности по отношению к законности и правопорядку.

Одновременно сохраняется и дуалистический подход к пониманию свободы совести. В частности, предлагается позиционировать его и как личное, и как социально-политическое право граждан. Выдвинута также идея объединения в единый комплексный институт — «интеллектуальная свобода человека», в который входят свобода мысли, свобода слова, свобода мнения и свобода убеждений.

На наш взгляд, свобода совести, несомненно, в современных реалиях является личным правом человека и гражданина, поскольку означает свободу мировоззренческого выбора, выражает свободное отношение к религии каждого, регулирует общественные отношения, возникающие в духовно-нравственной сфере [2]. Благодаря такому пониманию сущности право на свободу совести предстает как личное неотъемлемое право человека, позволяющее формировать собственный выбор и действовать в соответствии со своими интересами и целями согласно своим нравственным убеждениям в различных сферах общественной жизни.

Список литературы

1. Кошелев Е. В., Юрицин А. Е. Защита прав человека: внутригосударственный и международный механизмы обеспечения // Актуальные вопросы публичного права. 2015. № 2(32).

2. Конституционное (государственное) право : курс лекций / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Ю. В. Герасименко. Омск, 2011.

«СВОБОДНЫЙ» ИЛИ «ПОЛУСВОБОДНЫЙ» МАНДАТ ДЕПУТАТА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ОРГАНА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В науке конституционного и муниципального права мандат депутата представительного органа местного самоуправления рассматривается в зависимости от содержания и характера связи представителя и представляемых им избирателей как свободный или императивный.

Впервые термин «полусвободный мандат» предложен судьей Конституционного Суда РФ Н. В. Витруком в особом мнении по делу о проверке конституционности Закона Московской области «О порядке отзыва депутата Московской областной Думы» от 28 апреля 1995 г. Позиция изложена в постановлении Конституционного Суда РФ от 24 декабря 1996 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности Закона Московской области от 28 апреля 1995 года „О порядке отзыва депутата Московской областной Думы“ в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации» [1]. Сравнительно-правовой анализ Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [2] и Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3] позволяет сделать вывод о различиях в основаниях досрочного прекращения полномочий между депутатами федерального и местного уровня власти.

В результате с практической точки зрения можно говорить о «полусвободном» депутатском мандате депутата представительного органа местного самоуправления. На основании изложенного выше на законодательном уровне необходимо более подробно рассмотреть правовой статус мандата депутата представительного органа местного самоуправления, осуществляющего свою деятельность на постоянной основе и на непостоянной профессиональной основе.

Список литературы

1. *Рос. газета.* 1997. 14 янв.
2. *Рос. газета.* 1994. 12 мая.
3. *Рос. газета.* 2003. 8 окт.

Н. А. Черемнова

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ ПРАВА НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

Согласно Конституции РФ (ст. 42) каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Несмотря на строгую регламентацию прав и обязанностей должностных лиц и лиц, осуществляющих деятельность в сфере услуг, в нашей жизни очень часто происходят события, которые явно нарушают права людей. Так, примером может служить реальный случай, который произошел в вагоне поезда дальнего следования. Вагон повышенной комфортности был оборудован биотуалетом, не вакуумным, а переделанным из обычного. Конструктивные особенности данной системы стали причиной явного нарушения состава воздуха в вагоне до степени опасности для здоровья и при длительном нахождении в данной атмосфере — для жизни. Согласно п. 5.1.22 постановления главного государственного санитарного врача РФ от 4 марта 2003 г. № 12 «О введении в действие «Санитарных правил по организации пассажирских перевозок на железнодорожном транспорте сп 2.5.1198-03» при строительстве, реконструкции и модернизации пассажирских вагонов необходимо оборудование их туалетными системами замкнутого типа.

Согласно пп. 5.1.36 и 5.1.39 указанного постановления подаваемый в вагоны воздух должен быть очищен с помощью фильтров. Содержание вредных веществ в воздушной среде вагона не должно превышать уровня предельно допустимых концентраций в атмосферном воздухе населенных мест.

Поскольку есть опасность для здоровья и жизни людей, возникает вопрос о возможности защиты права на благоприятную окружающую среду уголовно-правовыми средствами. В этой ситуации существует конкуренция нескольких норм: ст. ст. 236, 237, 238 УК РФ. Так, за нарушение санитарно-эпидемиологических правил предусмотрена ответственность в ст. 236 УК РФ. Несмотря на то что нарушение правил осознается ответственными лицами, привлечь к ответственности можно только в случае наступления последствий, повлекших по неосторожности массовое заболевание или отравление людей (ч. 1 ст. 236 УК РФ).

Решение вопроса о привлечении к ответственности соответствующих лиц осложняется местом совершения (поезд), кратковременностью

пребывания в данных условиях, определенной их пассивностью в защите своих прав и удаленностью проживания потерпевших друг от друга.

Следующим составом преступления, который может быть рассмотрен, является ст. 237 УК РФ «Соккрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей». Чаще всего в практической деятельности применяется ст. 238 УК РФ, которая предусматривает ответственность за выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности. Ответственности в подобных случаях подлежат представители ОАО «РЖД», принимающие решение о выпуске в эксплуатацию вагона, заведомо не отвечающего требованиям безопасности. Можно ли рассматривать эту ситуацию как мошенничество (ст. 159 УК РФ) в контексте принятия платы по повышенному тарифу за оказание услуг, не отвечающих установленным нормам по перевозке пассажиров в вагоне повышенной комфортности. Здесь отсутствует умысел на хищение чужого имущества, однако налицо оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, явившееся следствием выпуска в эксплуатацию вагонов, не соответствующих санитарно-эпидемиологическим правилам.

Согласно ст. 113 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» перевозчик обязан обеспечить выплату компенсации в счет возмещения вреда, причиненного при перевозке пассажира его здоровью, в сумме, определяемой исходя из характера и степени повреждения здоровья в соответствии с нормативами, установленными Правительством РФ. Размер указанной компенсации не может превышать двух миллионов рублей.

С. В. Шевченко, А. Е. Юрицин

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ, СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ

Первым универсальным международным документом, в котором был закреплён круг прав и свобод человека, стала Всеобщая декларация прав человека (далее — Декларация), принятая 10 декабря 1948 г. Однако Декларация — это своего рода заявление о намерениях, в котором очерчены задачи, стоящие перед государствами по установлению определенных прав и свобод. Непосредственно обязательства по обеспечению прав

и свобод государства взяли на себя при принятии в 1966 г. двух соглашений: Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, которые вступили в силу в 1976 г.

В статьях главы 2 Конституции РФ, на первый взгляд, не только отражены все экономические, социальные и культурные права и свободы человека, закрепленные в международных стандартах, но даже представлены несколько шире [1]. Однако два права, закрепленные в Конституции России, не совсем отвечают международным обязательствам: право на труд и право на образование [2]. В Декларации 1948 г. право на труд провозглашено в ст. 23. Это право связывается со свободным выбором работы, правом на справедливые и благоприятные условия труда, на защиту от безработицы и защиту от дискриминации на оплату. Однако каким образом это право будет реализовано, не ясно. В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах право на труд имеет более расширенное толкование. В статье 6 пакта говорится, что право на труд включает право каждого на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который человек свободно выбирает или на который он свободно соглашается. Государства-участники пакта не только признают право на труд, но предпримут надлежащие шаги к обеспечению этого права.

В Конституции России право на труд закреплено своеобразно. Оно не отграничено знаками препинания и идет в общем контексте. В статье 37 провозглашено, что каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы. Из смысла данной части вытекают: право на условия труда, право на вознаграждение за труд, право на защиту от безработицы. То есть само право на труд отражено невятно и явно не гарантируется. Несколько смягчает данный подход фраза о защите от безработицы. Само введение пособий по безработице в российской действительности является как бы признанием государством вины в том, что оно не может предоставить гражданину, реализовать свое право на труд.

Право на образование провозглашено в ст. 26 Декларации. Начальное образование предлагалось сделать обязательным, начальное и общее — бесплатным. Декларация прав человека принималась в послевоенный период, в условиях, когда многие государства экономически не могли обеспечить бесплатное образование всех уровней. В пакте 1966 г.

подтверждается обязательность и бесплатность начального образования: государства должны стремиться, чтобы среднее образование стало доступным для всех, постепенно ввести бесплатное среднее образование (ст. 13).

Согласно ст. 43 Конституции России гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования. Основное общее образование является обязательным.

Понятие «основное общее образование» в первых комментариях к Конституции понималось противоречиво. Одни авторы считали, что основное общее — это среднее образование, и данная формулировка была введена, чтобы отделить его от понятия «среднее профессиональное образование». Другие говорили, что статус основного общего образования ниже, но среднее образование продолжает оставаться общедоступным и бесплатным в рамках получения среднего профессионального образования.

Однако уже в Законе от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» и его последующих редакциях основное общее образование и среднее (полное) общее образования являлись разными ступенями образования. Среднему профессиональному образованию, его содержанию посвящена отдельная статья указанного закона. Таким образом, в Конституции РФ был сделан шаг назад в закреплении права на образование.

Список литературы

1. *Конституционное (государственное) право: курс лекций* / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Ю. В. Герасименко. Омск, 2011.
2. *Кошелев Е. В., Юрицин А. Е.* Права и свободы человека: актуальные вопросы защиты и ограничения в международном праве и внутригосударственном законодательстве РФ // Актуальные вопросы публичного права. 2014. № 5(29).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ахметова Ирина Николаевна — помощник начальника по международному сотрудничеству Восточно-Сибирского института МВД России.

Бабурин Василий Васильевич — доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминологии, психологии и педагогики Омской академии МВД России.

Баньковский Артур Евгеньевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права Барнаульского юридического института МВД России.

Бекетов Олег Иванович — доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Быков Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Бучакова Марина Александровна — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России.

Вандан-Иш Амурсаана — адъюнкт Омской академии МВД России.

Вершило Николай Дмитриевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры экологического и земельного права Российского государственного университета правосудия.

Вершило Татьяна Александровна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия.

Гайдуков Андрей Александрович — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Барнаульского юридического института МВД России.

Герасименко Тамара Юрьевна — аспирант Омской юридической академии.

Герасименко Юрий Васильевич — доктор юридических наук, профессор, уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области.

Глазунова Ирина Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права юридического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Голованова Татьяна Валерьевна — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Головко Владимир Владимирович — доктор юридических наук, профессор, начальник учебно-научного комплекса профессиональной служебной и физической подготовки Омской академии МВД России.

Губин Алексей Иванович — старший юрисконсульт правового отдела Главного управления Министерства внутренних дел РФ по Кемеровской области.

Грязнова Татьяна Евгеньевна — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Дизер Олег Александрович — кандидат юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России.

Жилиев Артур Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России.

Зайцева Екатерина Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Запечалова Ольга Владимировна — преподаватель кафедры криминологии, психологии и педагогики Омской академии МВД России.

Засыпкин Михаил Александрович — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России.

Иванова Оксана Алексеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Пермского филиала РАНХ и ГС.

Касаткин Валерий Александрович — инспектор отделения по исполнению административного законодательства УМВД России по г. Омску.

Клементьев Александр Юрьевич — аспирант факультета истории, философии и права Омского государственного педагогического университета.

Климович Евгений Владимирович — кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Клоков Евгений Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и финансового права Омской академии МВД России.

Кожевина Марина Анатольевна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Контимирова Юлия Игоревна — преподаватель кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Конюх Евгений Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России.

Корыц Сергей Иванович — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Кошелев Евгений Викторович — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России.

Курсаев Александр Викторович — кандидат юридических наук, главный эксперт-специалист Договорно-правового департамента МВД России.

Куянова Арина Викторовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Леженин Алексей Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского института МВД России.

Лыга Алексей Петрович — преподаватель кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Майоров Владимир Иванович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и административного права, декан юридического факультета Южно-Уральского государственного университета.

Маслов Кирилл Владиславович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права юридического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Морозов Андрей Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и политологии Омской академии МВД России.

Романькова Светлана Владимировна — старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной и административной деятельности органов внутренних дел Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России.

Рудьман Денис Сергеевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России.

Скиданова Анна Евгеньевна — адъюнкт Омской академии МВД России.

Сковородко Андрей Андреевич — следователь специализированного следственного отдела УМВД России по Омской области.

Скрынникова Мария Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Воронежского института МВД России.

Смирнова Валентина Михайловна — преподаватель кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Сургутсков Вадим Игоревич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Терехова Лидия Александровна — доктор юридических наук, профессор, заместитель декана по научной работе юридического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса.

Турышев Александр Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Омской академии МВД России.

Умнов Егор Евгеньевич — аспирант факультета истории, философии и права Омского государственного педагогического университета.

Филимонов Александр Григорьевич — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии Омской академии МВД России.

Филиппов Олег Юрьевич — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Черемнова Наталья Александровна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права Омской академии МВД России.

Шапорев Дмитрий Александрович — кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права Барнаульского юридического института МВД России.

Шевченко Сергей Витальевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России.

Юрицин Александр Андреевич — аспирант юридического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Юрицин Андрей Евгеньевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Язов Александр Николаевич — преподаватель кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИИ. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ В ОТРАСЛЕВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Бабурин В. В., Запечалова О. В. Уголовное право, уголовное законодательство, уголовно-правовая наука: проблемы системного анализа	3
Баньковский А. Е. Принцип единства государственной власти сквозь призму развития конституционализма в России	6
Бекетов О. И., Майоров В. И. Административные правонарушения на транспорте и в области дорожного движения как основания установления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.	8
Борков В. Н. Об уголовном законе правового демократического социального государства.	11
Бучакова М. А. Конституция Российской Федерации: перспективы развития.	14
Быков А. В. Взаимодействие полицейского управления и органов городского самоуправления города Омска в конце XIX – начале XX вв. ...	16
Вандан-Иш А. Практика назначения наказания за насильственные действия в отношении представителя власти по УК Российской Федерации и Монголии	18
Герасименко Ю. В. Уполномоченный по защите прав предпринимателей в системе органов государственной власти Российской Федерации: проблемы статуса.	19
Головко В. В., Губин А. И., Иванова О. А. Лишение права управления транспортными средствами по медицинским основаниям: проблемы и перспективы	21
Грязнова Т. Е. Роль Основных законов Российской империи 1906 г. в становлении конституционализма в России: взгляд отечественных правоведов конца XIX – начала XX вв.	25
Дизер О. А. Категория общественной нравственности в Конституции и в отраслевом законодательстве	27
Жиляев А. В. Перспективы совершенствования российского федерализма	29

Клементьев А. Ю. Правовая ответственность в сфере образования	31
Контимирова Ю. И. Реализация естественно-правового и нормативистского подходов к пониманию права в Конституции Российской Федерации	32
Кошелев Е. В. Конституционная ответственность Президента РФ	34
Леженин А. В., Скрынникова М. В. Конституционный процесс как разновидность юридического процесса	36
Маслов К. В. Обеспечение налоговой безопасности государства и реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина: диалектический подход	38
Терехова Л. А. Реализация конституционных принципов судопроизводства в отраслевом законодательстве и судебной практике	40
Турьшев А. А. Конституция Российской Федерации и законодательство будущего	44
Умнов Е. Е. Основы конституционного строя, определяющие функционирование гражданского общества в Российской Федерации	46
Филимонов А. Г. Федерация в современной России: проблемы и перспективы развития	47
Шапорев Д. А. О некоторых аспектах развития конституционализма в России	49
Юрицин А. А. Роль судебной власти в расширении пределов правового регулирования	51
Язов А. Н. Государственная теория местного самоуправления: взгляд российских либеральных юристов второй половины XIX — начала XX вв	53

РАЗДЕЛ II. ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ИХ ОБЕСПЕЧЕНИЮ

Ахметова И. Н. Предпринимательская деятельность в Российской Федерации	55
Вершило Н. Д., Вершило Т. А. К вопросу об административно-правовом обеспечении охраны окружающей среды	56

Гайдуков А. А. Административно-правовые основы предупреждения полицией правонарушений в семейно-бытовой сфере.	58
Герасименко Т. Ю. Решения ЕСПЧ и особенности их реализации в РФ	59
Глазунова И. В. Совершенствование системы специальных налоговых режимов и реализация экономических прав граждан	62
Голованова Т. В. Реализация конституционного права на охрану общественного порядка органами местного самоуправления	65
Дизер О. А., Кузнецов А. В. Правовые основы деятельности членов казачьих обществ по обеспечению безопасности дорожного движения	67
Зайцева Е. С. Пределы правового регулирования в духовной сфере жизни общества	68
Засыпкин М. А. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел как элемент механизма обеспечения прав и свобод личности.	70
Климович Е. В. О содержании принципа использования достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем в деятельности полиции	72
Клоков Е. А. Право на справедливое налогообложение недвижимости граждан в контексте современной реформы в России	74
Кожевина М. А. Конституционное право на образование: к истории вопроса	76
Конюх Е. А., Сковородко А. А. Обеспечение возмещения вреда, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия.	78
Корыц С. И., Сургутсков В. И. Вопросы правового регулирования участия органов местного самоуправления в осуществлении охраны общественного порядка на своей территории	81
Курсаев А. В. Система преступлений против трудовых прав граждан в Уголовном кодексе Республики Куба	83
Куянова А. В., Филиппов О. Ю. К вопросу о влиянии массовых мероприятий на состояние общественного порядка и безопасности.	85
Лыга А. П. К вопросу об обеспечении органами внутренних дел конституционного права потерпевшего на компенсацию причиненного ущерба	88

Морозов А. А. Взаимодействие государства с религиозными объединениями и проблемы обеспечения свободы совести	90
Романькова С. А. Дискреционные (по усмотрению) полномочия в правоприменительной деятельности сотрудников ГИБДД	92
Рудьман Д. С. О реализации права сотрудников полиции на жилище	94
Скиданова А. Е. Свобода совести как личное право человека и гражданина	96
Тасыбаева Ж. З. «Свободный» или «полусвободный» депутатский мандат депутата представительного органа местного самоуправления в Российской Федерации	97
Черемнова Н. А. Уголовно-правовые средства защиты права на благоприятную окружающую среду на железнодорожном транспорте	98
Шевченко С. В., Юрицин А. Е. Международные стандарты экономических, социальных и культурных прав и свобод человека и Конституция России	100
Сведения об авторах	103

Научное издание

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы всероссийской научно-практической конференции

12 декабря 2017 г.

Редактирование и корректура Л. И. Замулло

Технический редактор Н. М. Серова

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 21.06.2018. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 6,5. Уч.-изд. л. 6,1. Тираж 120 экз. Заказ № 105.

